

Опытъ войны, какъ матеріалъ для подготовки войскъ.

Нисколько не претендуя на всестороннее освѣщеніе этого сложнаго и крайне серьезнаго вопроса, настоящая статья имѣетъ цѣлью, затронувъ и разобравъ нѣсколько отдѣльных примѣровъ, пробудить къ нему интересъ, вызвать здоровую и дѣльную полемику, и, можетъ быть, послужить толчкомъ къ тому, чтобы работа въ этомъ направленіи среди русскихъ военныхъ круговъ, оторванныхъ временно отъ родины, приобрѣла больше систематичности и больше продуктивности — чѣмъ это происходило и происходитъ до настоящаго времени.

Въ этой статьѣ читатель встрѣтитъ много избитыхъ старыхъ истинъ, напомнить которыя не бесполезно, такъ какъ одними онѣ „хорошо забываются“, другими же, подъ влияніемъ увлеченія колоссальнымъ развитіемъ техники и позиціоннаго характера большаго періода Европейской войны, просто игнорируются.

Было и будетъ, что „формы“ (въ томъ числѣ и приемы обученія), имѣющія значеніе непреложной истины для данной эпохи, съ усовершенствованіемъ огнестрѣльнаго оружія и общимъ развитіемъ техники, не только отживаютъ свое значеніе, но становятся явно абсурдными. Наряду съ этимъ есть истины, основанныя на свойствахъ человѣка, которыя остались и останутся неизмѣнными какъ бы ни развивалась техника. Человѣка, въ которомъ надо развивать чувство самоотверженія, въ противовѣсъ инстинкту самосохраненія, никогда въ машину превратить не удастся. Какого бы развитія не достигла техника — машиной будетъ управлять человекъ съ присутствующими ему положительными и отрицательными свойствами; а какъ слѣдствіе этого, побѣда будетъ всегда на сторонѣ тѣхъ армій, въ которыхъ, не игнорируя громаднаго значенія техники, будетъ правильно поставлена моральная подготовка бойца и обученіе войскъ будетъ основано не на томъ, что „человекъ только обслуживаетъ машину“, а на томъ, что техника и машина только помогаютъ войскамъ достигать во что-бы то ни стало поставленной имъ задачи.

Отмѣчая первостепенность правильнаго воспитанія и обученія войскъ, въ настоящей статьѣ будутъ встрѣчаться ссылки на одного изъ крупнѣйшихъ воспитателей и учителей русской арміи — покойнаго Михаила Ивановича Драгомирова.

Враговъ и послѣдователей ученія М. И. Драгомирова было много.

Одна категорія, и очень значительная, враговъ Драгомирова

состояла изъ лицъ безмятежное прозябаніе или мирное существованіе коихъ было нарушено въ бытность Драгомирова командующимъ войсками Кіевскаго военнаго округа съ 1889 по 1902 г. и которые принуждены были или совѣтъ оставить военную службу или „спастись“ переводомъ въ другіе военные округа. Къ этой-же категоріи принадлежалъ значительный классъ лицъ, обиженныхъ когда либо словомъ, мнѣніемъ или статьей М. И. Драгомирова, который въ выраженіяхъ не любилъ стѣсняться и называлъ вѣщи и поступки своими именами.

Вся эта наиболѣе вредная категорія „враговъ“, конечно, трубила на всѣхъ перекресткахъ объ отсталости требованій М. И. Драгомирова, о пренебреженіи имъ огня („пуля дура — штыкъ молодецъ“), о непризнаніи имъ техники и прочихъ жупелахъ, не отвѣчавшихъ дѣйствительности, но, при нашей мало разбирающейся въ военныхъ вопросахъ, а еще меньше читавшей публикѣ, создававшихъ легенды и совершенно неправильное представленіе о существѣ Драгомировскаго ученія.

Были противники „идейные“, по существу, какъ, напримѣръ, генераль Сухотинъ, проводившій требованіе стрѣльбы съ коня, или генераль Скугаревскій, горячо возражавшій противъ требованій М. И. Драгомирова, чтобы пѣхотныя цѣли при наступленіи не залегали.

Ведя съ этими противниками полемику въ печати, М. И. Драгомировъ, съ одними изъ нихъ (типа Сухотина), конечно, ни до чего договориться не могъ, а съ другими, какъ Скугаревскій, не приходилъ къ соглашенію, такъ какъ они (сюда же относятся и тѣ кои требовали производства стрѣльбы на ходу, противъ чего возражалъ Драгомировъ), рѣзко возражая противъ требованій Драгомирова, давали имъ неправильное освѣщеніе и, по мнѣнію Драгомирова, грѣшили въ томъ, что при обученіи войскъ развивали въ бойцахъ чувство самосохраненія.*)

Наконецъ третья категорія противниковъ М. И. Драгомирова состояла изъ лицъ, придававшихъ главнѣйшее значеніе техникѣ и воображавшихъ, что Драгомировское ученіе противорѣчитъ этой техникѣ. Да простятъ мнѣ лица этой категоріи, если я имъ скажу, что они, какъ Донъ-Кихоть, сражались противъ мельницы: они ве-

*) М. И. Драгомировъ доказывалъ, что въ мирное время вредно обучать войска тому, что развиваетъ инстинктъ самосохраненія, который и безъ того великъ.

Онъ говорилъ, что войска необходимо учить самоопыванію, но лучше не учить стрѣлковыя цѣли залегать. Онъ указывалъ на то, что подъ пулями только исключительно хорошія части находясь въ цѣли не будутъ ложиться; большей же частью, безъ всякаго предварительнаго обученія залегать будутъ; понять же залегшія подъ огнемъ цѣли всегда трудно и подниматься онѣ будутъ нормально только при помощи вливанія въ нихъ свѣжихъ силъ (подпіраніемъ сзади).

Горячо возражая противъ стрѣльбы на ходу, М. И. Драгомировъ говорилъ, что, обычно, часть, открывая на ходу огонь залегаетъ и до противника не доходитъ. Что обезпечивать подходъ части къ противнику надо огнемъ или артиллеріей, или другихъ пѣхотныхъ частей.

потрудились внимательно и добросовѣстно проштудировать и понять Драгомировское учение.

Что касается „послѣдователей“ Драгомировскаго ученья, то, къ сожалѣнію, среди нихъ оказалось не мало такихъ, которые для дѣла оказались хуже „враговъ“.

Про нихъ М. И. Драгомировъ могъ бы сказать: „Избави насъ, Господи, отъ друзей, а отъ враговъ мы сами избавимся“.

М. И. Драгомировъ, между прочимъ, проводилъ мысль, что часть, находящаяся въ сомкнутомъ строѣ, должна безпрекословно повиноваться своему начальнику и исполнять всякую поданную имъ команду. Производя повѣрки и смотры, онъ, иногда, приказывалъ подать какую нибудь команду, не указанную въ уставѣ, или, на-примѣръ при ружейныхъ приѣмахъ, не въ той послѣдовательности какъ это требовалось уставомъ.

Какъ слѣдствіе этого, нѣкоторые командиры частей, чтобы „втереть очки“ и угодить командующему войсками, продѣлывали въ своихъ частяхъ различные „трюки“ и „натаскивали людей“ — дабы приучить ихъ къ неожиданнымъ приказаніямъ. Иногда это принимало очень вредный для обученія оборотъ и, конечно, совершенно извращало идею Драгомировскаго ученья.

Часто это, тѣмъ или инымъ путемъ, открывалось и „очковтиратели“ жестоко страдали; но въ корнѣ искоренить это зло не удавалось и, конечно, только играло въ руку противникамъ М. И. Драгомирова, тѣмъ болѣе, что иногда и старшіе войсковые начальники совершенно извращали и доводили до абсурда требованія командующаго войсками.

Говоря объ этой категоріи послѣдователей, долженъ упомянутьъ объ одномъ боевомъ генералѣ, украшенномъ двумя Георгіевскими крестами, который высоко чтить М. И. Драгомирова и искренно хотѣлъ проводить въ жизнь всѣ его требованія.

Этотъ генералъ, производя, однажды, смотръ въ одной изъ внутреннихъ частей, приказалъ повернуть въ одной изъ ротъ переднюю шеренгу кругомъ, взять людямъ одной шеренги за носы людей другой шеренги и такъ присѣдать.

Въ другой разъ онъ приказалъ командиру роты, стоявшею около забора, подать команду: „сѣсть на заборъ по вороньямъ“.

Это дошло до М. И. Драгомирова и только прежнія боевыя заслуги спасли генерала отъ необходимости оставить службу; ограничилось дѣло на этотъ разъ только жестокой головомойкой.

Черезъ нѣсколько времени тотъ же генералъ дѣлалъ смотръ конной батарее. Послѣ повѣрки обученія номеровъ при орудіяхъ, генералъ захотѣлъ, чтобы батарея взяла въ передки для производства строевоя ученья.

Рѣшилъ онъ подать команду самъ и ошибочно скомандовалъ: „Садись“. Всѣ люди съли — на землю...

Получился великій конфузъ.

Въ общемъ же надо признать, что нѣтъ „пророка въ своемъ отечествѣ“ и что — какъ противники, такъ и многіе послѣдователи

Драгомировскаго учения, его знали мало или почти не знали, а судили о немъ, въ большинствѣ случаевъ, болѣе чѣмъ поверхностно и больше по наслышкѣ, по отдѣльнымъ статьямъ, или по отдѣльнымъ фактамъ или случаямъ.

Конечно, въ Драгомировскомъ учении есть много „формъ“, которыя, какъ и старыя Суворовскія формы и Фридриховская система отжили свой вѣкъ и отпали, но есть много непреложныхъ истинъ, которыя были живы и будутъ живы вѣчно. Вотъ эти то истины, основанныя на свойствахъ человѣка, надо воскресить, надо внимательно усвоить и примѣнить при будущемъ возсозданіи Русской арміи и при выработкѣ уставовъ и положеній, по которымъ будетъ производиться воспитаніе и обученіе солдатъ въ ея рядахъ.

Въ мирное время воспитаніе и обученіе войскъ имѣетъ главнѣйшей цѣлью подготовить армію къ войнѣ и достигнуть того, чтобы, когда бы армія ни была призвана исполнить свой долгъ, передъ Родиной, она была бы подготовлена въ духъ современныхъ требованій и наилучшимъ образомъ снабжена въ техническомъ отношеніи.

Въ основу обученія войскъ въ мирное время должна быть заложена старая, но совершенно правильная и неизмѣнная мысль: „войска нужно въ мирное время учить только тому, что имъ придется дѣлать въ военное“.

Воина, съ одной стороны, является суровымъ экзаменомъ для арміи въ смыслѣ правильности ея подготовки въ мирное время, съ другой стороны, даетъ необходимыя опытныя данныя для дальнѣйшей работы въ періодъ мира для подготовки арміи къ новой войнѣ.

При продолжительныхъ періодахъ мира, подъ влияніемъ: полигонныхъ опытовъ; занятій въ обстановкѣ мирнаго времени; перемѣнъ въ личномъ составѣ команднаго персонала арміи, когда руководителями и инструкторами по воспитанію и обученію войскъ становятся лица не бывшія на войнѣ; притупленія впечатлѣній отъ опыта бывшей войны и ихъ забвенія; новыхъ техническихъ изобрѣтеній — очень часто кажущееся принимается за дѣйствительное, забываются неизмѣнныя свойства человѣка, пренебрегаются дѣйствительные опыты и факты многовѣковой военной исторіи и создаются военные призраки — миражи.

Особенно на ихъ созданіе влияло усовершенствованіе огнестрѣльнаго оружія и усовершенствованіе вообще техники.

Но и опытъ войны, недостаточно продуманный, примѣненный, подъ влияніемъ перваго впечатлѣнія и односторонняго освѣщенія фактовъ, неоднократно приводилъ къ созданію не менѣе вредныхъ военныхъ призраковъ, что отражалось на подготовкѣ войскъ въ мирное время.

Такъ всегда было, такъ всегда и будетъ.

Еще въ 1883 г. въ статьяхъ „Армейскія замѣтки“ М. И. Драгомировъ*) указалъ „миражи“, бывшіе тогда модными:

*) Напечатано въ „Военномъ Сборникѣ“ 1883 г. № 3.

1) Атака позицій съ фронта при нынѣшнемъ оружїи невозможна, вслѣдствіе страшныхъ потерь, которыя несетъ атакующій отъ огня, а возможна только съ охватомъ или съ обходомъ.

2) Такая-то армія навѣрное насъ побьетъ; или такую-то мы навѣрное побьемъ.

3) Прорывъ блокады невозможенъ.

4) Штыку мѣста теперъ нѣтъ.

5) Бороться съ неприятелемъ, имѣющимъ численную перевѣсъ, невозможно.

6) Атаковать съ равными силами невозможно.

7) Изъ всѣхъ случайностей самая рѣдкая — гениальный полководецъ; слѣдовательно на чьей сторонѣ численная сила, устройство, матеріальныя средства, тотъ и одолѣетъ.

8) Конница нѣтъ мѣста на поляхъ сраженій.

9) Артиллерія противъ стрѣлковъ безсильна.

Прекрасный разборъ этихъ „миражей“ М. И. Драгомировымъ доказалъ, что отъ нихъ ничего реальнаго не остается.

Корени же ихъ онъ правильно усмотрѣлъ: 1) въ чувствѣ само-сохраненія; 2) въ подчиненности первичнымъ непродуманнымъ впечатлѣніямъ.

Въ нашемъ сложномъ и страшномъ по своей ответственности военномъ дѣлѣ, когда, отъ правильной постановки вопроса о подготовкѣ арміи къ войнѣ, зависитъ не только жизнь миллионъ людей, но и само существованіе государства, надо быть особенно осмотрительными и, не поддаваясь „первичнымъ непродуманнымъ впечатлѣніямъ“, отводя должное мѣсто современной техникѣ, не забывать „духа“, и не забывать основныхъ свойствъ чело-вѣка.

Только при этихъ условіяхъ будетъ правильно поставлена подготовка войскъ къ войнѣ.

Къ сожалѣнію, въ нашей арміи къ вопросу о правильной подготовкѣ войскъ къ войнѣ и къ опыту, приобретаемому на войнѣ, за исключеніемъ небольшого числа дѣйствительно работавшихъ и интересовавшихся правильной постановкой этого дѣла, общая масса команднаго персонала и корпусъ офицеровъ генеральнаго штаба относились болѣе чѣмъ легкомысленно, или индифферентно.

Критики было много, но работы и какихъ либо дѣльныхъ предложеній — было мало.

Этотъ же упрекъ заслуживаютъ главный и генеральный штабы, а также профессора Академіи Генеральнаго Штаба, которые должны были пробуждать интересъ къ вопросамъ по подготовкѣ къ войнѣ.

Чтобы не быть голословнымъ, приведу одинъ характерный примѣръ.

Незадолго*) до Русско-Японской войны, по Высочайшему указанію, подъ общимъ руководствомъ командующаго войсками Кіев-

*) Если не ошибаюсь, за 2 года.

скаго военного округа, генерала Драгомирова, быть составленъ новый пол-вой уставъ.

Уставъ былъ Высочайше утвержденъ.

Началась Японская война, начались неудачи.

Битые генералы стали искать виновниковъ своихъ поражений. Одинъ изъ виновниковъ былъ скоро найденъ: таковымъ оказался Драгомировъ!

Чего, чего только на него не валили.

Онъ слишкомъ носился съ солдатами и слишкомъ ихъ распустилъ.

Онъ принизилъ престижъ офицеровъ въ глазахъ солдатъ.

Онъ отвергалъ технику и поэтому наша армія оказалась недостаточно хорошо снабжена технически, вслѣдствіе чего ее бьютъ японцы, снабженные лучше.

Онъ умалялъ значеніе ружейнаго огня, за что наша армія и расплывается...

Все это, конечно, было вздоръ и ложь; ложь сознательная и бессознательная, но дѣлавшая свое дѣло и создававшая самыя глупыя легенды среди плохо разбиравшейся въ этихъ вопросахъ русской публики.

Главное же обвиненіе, которое очень многіе стали выдвигать противъ М. И. Драгомирова — это плохо составленный уставъ, примѣненіе котораго вляло на исходъ операций.

Закончилась война.

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ „опыта“ войны и въ поискахъ причинъ неудачъ, въ первую же голову было рѣшено пересоставить пол-вой уставъ.

Въ Петербургѣ, если не ошибаюсь, подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Сергѣя Михайловича, была образована для этой цѣли коммиссія, въ составъ которой, какъ это было сказано въ объяснительной запискѣ, приложенной къ выработанному коммиссіей уставу, были привлечены „участники кампаніи“.

Составленный уставъ, по Высочайшему повелѣнію, былъ разосланъ на заключенія командующихъ войсками въ округахъ.

При штабѣ Киевскаго военного округа для разсмотрѣнія проекта устава была образована коммиссія, въ составъ которой былъ назначенъ и я.

Какъ мы ни старались найти въ новомъ уставѣ что либо „новое“ — таковаго найти не могли.

Было ясно, что составители его просто были не знакомы съ дѣйствовавшимъ полевымъ уставомъ. То, что они выдавали за „новое“ въ составленномъ ими уставѣ, имѣлось и въ дѣйствовавшемъ, но только въ другихъ §§.

Было составлено и послано въ Петербургъ соответствующее заключеніе; но оно, по моему мнѣнію, не было достаточно рельефнымъ и я рѣшилъ помѣстить по этому вопросу статью въ „Развѣдчикъ“.

Для доказательства правильности своихъ выводовъ я помѣстилъ

параллельное изложение §§ нового и старого уставовъ, наглядно показавъ, что всё „новшества“ въ дѣйствительности таковыми не являются.

Заключилъ я статью указаніемъ, что это грустное и болѣе чѣмъ легкомысленное отношеніе къ столь серьезному вопросу можетъ быть объяснено лишь какимъ-то страннымъ гипнозомъ членовъ коммисіи „участниками кампаній“, которые просто хорошо забыли или не знали дѣйствовавшего устава*).

Издатель „Развѣдчика“, В. А. Березовскій, сначала не хотѣлъ помѣщать моей статьи, находя ее слишкомъ рѣзкой, но затѣмъ согласился и она была напечатана въ „Развѣдчикѣ“.

Я ожидалъ „громы и молніи“, но, къ моему удивленію, ни главный штабъ, ни коммисія, составившая проектъ устава, никакъ не реагировали на мою статью.

Черезъ нѣсколько времени я былъ вызванъ въ Петербургъ для получения указаній о пересоставленіи мобилизационнаго расписанія по Киевскому военному округу. Когда я явился начальнику мобилизационнаго отдѣла, то послѣдній направилъ меня къ желавшему мнѣ видѣть начальнику главнаго штаба генералу Мышлаевскому.

Вмѣсто ожидавшихся мною неприятностей за мою статью, я услышалъ отъ генерала Мышлаевского лишь советъ въ будущемъ быть осторожнымъ и не такъ рѣзко выступать въ печати противъ „властителей“. Онъ мнѣ сказалъ, что моя статья вызвала сначала бурю негодованія, но затѣмъ, когда хорошенько разобрались, то выяснилось, что я совершенно правъ, что приказано этотъ „проектъ устава“ просто спрятать подъ сукино и организационному отдѣлу главнаго штаба подобрать необходимый матеріалъ для переработки стараго устава полевой службы на основаніи дѣйствительно заслуживающихъ вниманія опытныхъ данныхъ Русско-Японской войны.

Вотъ отъ такихъ то скороспѣлыхъ выводовъ на основаніи опыта войны и избави насъ Господи!

А между тѣмъ Русско-Японская война выдвинула рядъ серьезныхъ вопросовъ и, при вдумчивомъ къ нимъ отношеніи, конечно, надо было бы внести рядъ существенныхъ поправокъ въ дѣйствующій полевой уставъ.

Въ дѣйствительности же, изъ-за болѣе чѣмъ мертваго отношенія къ дѣлу организационнаго отдѣла главнаго (впослѣдствіи генеральнаго) штаба и различныхъ періодическихъ коммисій, нашъ новый полевой уставъ 1912 года оказался въ нѣкоторыхъ своихъ отдѣлахъ не отвѣчавшимъ современными требованіямъ.**)

*) Не имѣя подъ рукой номера „Развѣдчика“, въ которомъ напечатана была эта статья, я привожу на память содержаніе моего заключенія, ругаясь, что, по существу, привожу его правильно.

**) Въ книгѣ 3 „Военнаго Сборника“ общества ревнителей военныхъ знаний, 1922 г., въ статьѣ: „Современная Война“ и „Красная вооруженная сила“ — Н. Головинъ, какъ мнѣ представляется, нѣсколько пристрастно освящаетъ вопросъ о составленіи полевого устава 1912 г.

Не съ цѣлью за кого либо „заступаться“, а только для освѣщенія истины считаю долгомъ отмѣтить слѣдующее:

Послѣ окончанія Европейской войны, въ теченіе которой постепенно вырабатывались различныя тактическія положенія, всѣ государства приступили къ составленію новыхъ строевыхъ и полевыхъ уставовъ.

Примѣненіе опыта Европейской войны для созданія военной мощи въ Россіи, конечно, не можетъ имѣть мѣста пока Россія находится подъ властью интернаціональной шайки бандитовъ; это работа будущаго — при восстановленіи вооруженной силы въ Россіи послѣ сверженія большевиковъ.

Но готовиться къ этому необходимо теперь же, дабы работа по восстановленію русской армии и военного управленія была бы поставлена съ самаго начала на правильное основаніе.

Вдумчивое и критическое изученіе тѣхъ выводовъ, къ кото-

М. Драгомировъ не считался только „официальнымъ“ составителемъ устава 1904 г., а дѣйствительно руководилъ работой по его составленію.

Что Сухомлиновъ относился очень отрицательно ко многимъ „новшествамъ“, какъ онъ ихъ называлъ, академіи генеральнаго штаба, то это вѣрно.

Но вѣрно и то, что необходимость пересоставленія устава 1904 г. сознавалась и имъ. Неудовлетворительность работы различныхъ комиссій и недоверіе къ достаточной „научной и практической подготовкѣ“ группы молодыхъ профессоровъ академіи генеральнаго штаба, остановили его выборъ на генералѣ Рузскомъ, которому и была поручена эта работа.

Если бы генералъ Сухомлиновъ не считался съ мнѣніемъ старшаго команднаго состава арміи, то, думаю, его выборъ не палъ бы на генерала Рузскаго. Послѣдній далеко не былъ „другомъ“ Сухомлинова и Сухомлиновъ относился къ нему довольно отрицательно.

Генералъ Рузскій котораго Н. Головинъ совершенно, бездоказательно, а на мой взглядъ и не вѣрно характеризуетъ, какъ бывшаго „впослѣдствіи однимъ изъ самыхъ безталантныхъ командующихъ и главнокомандующихъ арміями“, пользовался въ русскомъ генеральномъ штабѣ и среди команднаго персонала русской арміи репутаціей выдающагося генерала, имѣвшаго за собой громадный теоретическій и практичскій стажъ; онъ былъ не чуждъ и опыту Руско-Японской войны, на которой онъ былъ въ качествѣ начальника штаба арміи.

Поэтому выборъ генерала Рузскаго какъ лица подходящаго для выполненія такой задачи, врядъ ли можетъ оспариваться съ точки зрѣнія целесообразности; но во всемъ этомъ дѣлѣ была другая, и очень скверная особенность: это назначеніе въ помощь Рузскому тупого фанатика и совершенно аморальнаго полковника Бончъ-Бруевича. Этотъ послѣдній, будучи озабоченъ противъ „группы профессоровъ академіи генеральнаго штаба“ не пропускавшихъ его на столь для него желанное профессорство въ академіи, во всей своей работѣ по составленію устава имѣлъ главной цѣлью — „попримирить своихъ враговъ по академіи генеральнаго штаба“ и провалить предла- гавшіяся ими „новшества“.

Онъ сумѣлъ, какъ очень волевой и и упрямый человѣкъ, добиться полнаго довѣрія со стороны генерала Рузскаго и ему удалось направить работу въ желаемомъ для него смыслѣ.

Другой неправомерностью, допущенной генераломъ Сухомлиновымъ, я считаю то, что въ составъ комиссій генерала Рузскаго не была включена и шесть профессоровъ академіи генеральнаго штаба, которые составили въ декабрѣ 1911 года проектъ устава полевой службы.

Если бы это было сдѣлано, то вредное вліяніе Бончъ-Бруевича было бы несомнѣнно, сведено на нѣтъ.

рымъ пришли другія государства на основаніи опыта войны — необходимо.

Войны приобрьтають нынѣ, конечно, все болѣе и болѣе „техническій“ характеръ. Поэтому совершенно правильно, какъ указываетъ Н. Головинъ въ № 3 „Военнаго Сборника“ О. Р. В. З.,^{*)} необходимо „тщательное изученіе „западной техники“ и опыта минувшей войны; въ особенности же кампаніи 1918 г. на французскомъ фронтѣ“.^{**)}

Но для правильныхъ выводовъ было бы преступно изъ-за „машинъ“, изъ-за „техники“, забывать челоуька и считать, что челоуькъ „только обслуживаетъ машину“.

Надо помнить, что все-же главнымъ является челоуькъ, на помондъ которому приходитъ техника.

Ошибочно всѣ выводы строить и на позиціонномъ характерѣ европейской войны. Она таковой была и, въ случаѣ новой войны, можетъ опять быть таковой же; но возможно, что этого (или во всякомъ случаѣ въ подобномъ масштабѣ) и не будетъ.

Если бы Мариское сраженіе въ 1914 г. не было проиграно германцами, то вся послѣдующая борьба не могла бы приобрьсти позиціоннаго характера...

Réglement provisoire de manoeuvre d'infanterie, du 1er février 1920. Première partie^{***)} (Временный строевой уставъ).

Этотъ уставъ и сопровождающая его объяснительная записка (Rapport au ministre) заслуживаютъ самаго внимательнаго изученія; особенный интересъ представляетъ послѣдняя.

Въ немъ, съ исчерпывающей полнотой, основываясь на опытѣ войны, даются объясненія тѣхъ положеній и принциповъ, которые легли въ основаніе новаго устава; эта же записка устанавливаетъ основанія воспитанія и обученія войскъ.

Le colonel G Lagrue (Directeur de l'infanterie), подписавшій рапортъ военному министру (являющійся объяснительной запиской къ уставу), въ немъ, между прочимъ, говоритъ: „Безъ сомнѣнія требуется еще нѣсколько лѣтъ изученія, чтобы освѣтить и сдѣлать окончательные выводы изъ всѣхъ уроковъ войны. Но инструкція (указанія) Главной Квартиры (G. C. G.), данныя въ теченіе операций, вдохновленныя новыми фактами, въ зависимости отъ текущихъ событій, освободили указанія отъ тѣхъ неправильностей, которыя про-

*) Н. Головинъ „Современная Война“ и „Красная вооруженная сила“. „Военный Сборникъ“ Общества Ревнителей Военныхъ Знаній, № 3, стр. 50.

**) Я бы прибавилъ и на русскомъ фронтѣ. У насъ, кромѣ ошибокъ, были и операции заслуживающія полнаго вниманія и серьезнаго изученія. Кромѣ того, учатся не только на положительныхъ но и на отрицательныхъ образцахъ; наконецъ, нельзя забывать и того, что русской фронтъ для изученія маневренной войны даетъ гораздо больше данныхъ, чѣмъ французскій гдѣ за исключеніемъ перваго періода борьба носила почти исключительно позиціонный характеръ.

***) Точный переводъ „Временныя правила для маневрированія пѣхоты“.

исходили отъ отдѣльных фактовъ и поставили на вѣрный путь правильную эволюцію нашихъ тактическихъ методовъ. Наиболее поздніе изъ этихъ документовъ*) послужили основаніемъ для новаго устава, необходимость въ которомъ неоспорима" (стр. 1 и 2).

Несмотря на эту осторожную оговорку, врядь ли легко будетъ французамъ вносить въ ближайшемъ будущемъ какая либо серьезная поправка въ главныя (принципіальныя) положенія, которыя легли въ основу устава, составленнаго на основаніи опыта побѣдоносно законченной войны.

Я обращаю вниманіе на два главнѣйшихъ вопроса, требующихъ особо внимательнаго изученія и, по тому какъ они приняты во французскомъ уставѣ 1920 г., вызывающіе, по моему мнѣнію, нѣкоторыя сомнѣнія и возраженія.

Эти вопросы слѣдующіе:

а) Тактические методы и боевое расчлененіе роты;

б) Огонь пѣхоты.

Тактические методы и боевое расчлененіе роты. Вотъ выдержки, которыя я позволю себѣ отмѣтить:

Рапортъ министру стр. 7: „Рота потеряла свою однородность; она осталась, какъ прежде, по преимуществу единицей моральной, но она больше не оцѣнивается какъ сила „винтовокъ“; она теперь составляется изъ нѣкотораго числа автоматическаго огнестрѣльнаго оружія; вокругъ каждаго изъ нихъ объединяется необходимый личный составъ для его перемѣненія, обслуживания, снабженія и прикрытія.

Такимъ образомъ, автоматическое оружіе, вслѣдствіе силы своего дѣйствія, породило „боевыя группы“, элементарная (основная) ячейка пѣхоты.

Боевая группа. „Отдѣльный стрѣлокъ“ больше не существуетъ; каждый боецъ имѣетъ специальныя обязанности по отношенію автоматическаго оружія своей боевой группы.

Отсюда вытекаетъ, что боевая группа является основной единицей обученія и боя, которой ея начальникъ въ состояніи будетъ командовать непосредственно голосомъ и знаками*.

Стр. 8. „Приведетъ ли этотъ законъ**) въ будущемъ къ еще большому уменьшенію боевой группы, образуя ее изъ двухъ-трехъ человекъ, заключенныхъ въ прикрывающее и подвижное броневое закрытіе? Это предположеніе еще слишкомъ смѣло.

Группа въ 12 человекъ отвѣчаетъ необходимости момента“.

Стр. 11. „Съ численностью, принятой для роты къ концу войны, каждый изъ четырехъ изводовъ образуетъ три группы“.

Стр. 12. Говоря о томъ, что прежній уставъ давалъ поводъ исполнителямъ сохранять въ бою одновременность исполненія и требовати равенія, составители устава 1920 г. говорятъ: „Допустимыя

*) Т е наиболее существенныя, заключающіе въ себѣ указанія, основанныя на всей совокупности предшествовавшаго опыта.

**). Законъ расчлененія пѣхоты и уменьшенія основной боевой ячейки подл влияніемъ развитія (совершенствованія) огнестрѣльнаго оружія.

(т. е. одновременности и равеніе) въ эпоху, когда нормально взводы вели бой густыми стрѣлковыми цѣпями (à un pas) и слѣдовательно были въ строю очень схожимъ съ развернутымъ сомкнутымъ строемъ взвода, эти идеи не совмѣстимы нынѣ съ боемъ группами и разбѣаннымъ строемъ, необходимымъ теперь".

Стр. 19. "... никогда не образуется для занятій группа меньше 10 человекъ. Если эта численность превышаетъ — увеличиваютъ прежде всего число обслуживающихъ (подносчиковъ) ружье-пулеметь (S. M.), которое можетъ быть доведено до 6 человекъ".

§ 60. "Полкъ состоитъ изъ нѣсколькихъ батальоновъ — 1, 2 и т. д. Батальонъ изъ командной группы, трехъ обыкновенныхъ ротъ, одной пулеметной роты и взвода сопровождающихъ снарядовъ. Рота, по составу военного времени, раздѣляется на 4 взвода и командный взводъ. Взводъ въ обыкновенной ротѣ состоитъ изъ 3 боевыхъ группъ, а въ пулеметной изъ двухъ. Боевая группа содержитъ одно звено (équipe) стрѣлковъ-пулеметчиковъ съ ружьемъ-пулеметомъ и одно звено гранадеръ-стрѣлковъ.

СОСТАВЪ ГРУППЫ		ВООРУЖЕНІЕ
Звено стрѣлковъ пулеметчи- ковъ.	1 ефрейторъ начальникъ звена	Винтовка.
	1 стрѣлокъ-пулеметчикъ.	Ружье-пул. и револьв.
	1 первый обслуживающій (подносчикъ).	Револьверъ.
	3 помощника обслуживающаго (подносчика).	Карабины.
Звено гранадеръ стрѣлковъ.	1 ефрейторъ начальникъ звена	Винтовка.
	1 гранадеръ-метальщикъ.	Карабинъ и револьв.
	1 гранадеръ V. B. (ружейная гранаты).	Винтовка.
	3 стрѣлка (v. Higeurs).	Винтовки.

Этотъ основной составъ можетъ быть увеличенъ; онъ можетъ быть также не доводимъ до указаннаго числа — какъ при обученіи, такъ и въ бою. Въ первомъ случаѣ начальникъ группы увеличиваетъ прежде всего число обслуживающихъ (подносчиковъ) ружье-пулеметь, которое можетъ быть доведено до 6. Во второмъ случаѣ начальникъ группы, прежде всего, обезпечиваетъ обслуживаніе автоматическаго оружія не менѣе какъ двумя подносчиками; остальные люди образуютъ звено стрѣлковъ".

§ 182. "Группа является основной единицей обученія и боя. Она обязательно включаетъ въ себя автоматическое оружіе, къ которому

придаются: съ одной стороны люди, которые его обслуживаютъ и его снабжаютъ; съ другой стороны тѣ, которые ведутъ развѣдку и его охраняютъ".

§ 252. "... Движение, обыкновенно, начинается съ перебѣжки звена стрѣлковъ-пулеметчиковъ; оно производится, если это возможно, подъ прикрытiемъ огня стрѣлковъ, вооруженныхъ винтовками, которые, вслѣдъ за перебѣжкой перваго звена, продвигаются на его высоту.

Первое же звено, сейчасъ же послѣ перебѣжки на новую линiю, открываетъ огонь, чтобы облегчить перебѣжку звена стрѣлковъ, вооруженныхъ винтовками".

ОГОНЬ.

§ 27. "Наставление стрѣльбы цѣликомъ базируется на точной одиночной (individuel) стрѣльбѣ".

§ 129. "Существуетъ лишь одинъ видъ огня, это огонь, по желанiю (feu à volonté); производится онъ нормально по инициативѣ стрѣлка".

§ 130. Указывается, что при обученiи и въ особыхъ случаяхъ можетъ производиться коллективная стрѣльба. При этой стрѣльбѣ начальникомъ указывается цѣль, высота прицѣла и отдается приказанiе о началѣ и объ окончанiи стрѣльбы.

Каждый же стрѣлокъ ведетъ одиночный огонь, по своему усмотрѣнiю (feu à volonté).

§ 254. "Виды огня, который ведется развернутой группой, слѣдующiе:

1. Огонь изъ автоматическаго оружiя, управляемый начальникомъ группы, производимый по командѣ ефрейтора-пулеметчика.

2. Одиночная точная стрѣльба, производимая по инициативѣ людей, вооруженныхъ винтовками и карабинами, по всякому уязвимому противнику, представляющему опасность для группы.

3. Въ исключительныхъ случаяхъ коллективный огонь, производимый по приказанiю начальника группы по его командамъ, или по командамъ начальника звена..."

§ 294. "Развернутый взводъ ведетъ тотъ же огонь, который производится каждой группой (§ 254). Командиръ взвода озабочивается прежде всего дѣйствiями ружей-пулеметовъ; онъ указываетъ каждый разъ какъ только это будетъ представляться возможнымъ, начальнику группы цѣль, которую надо обстрѣлывать, высоту прицѣла, характеръ огня и приблизительное количество патроновъ, которое для данной стрѣльбы должно быть израсходовано. Начальникъ группы руководитъ огнемъ изъ ружья-пулемета, придерживаясь этихъ указанiй, или, въ случаѣ необходимости (т. е. ошибочности вслѣдствiе обстановки данного момента), по собственной инициативѣ.

Взводъ можетъ вести еще слѣдующiй огонь:

1. Сосредоточенiе короткаго и сильнаго огня ружейными гранатами, производимаго гренадерами V. В. взвода, по общей цѣли, определяемой командиромъ взвода.

2. Въ очень исключительныхъ случаяхъ коллективный (общій) огонь, производимый всѣми стрѣлками взвода (т. е. вооруженными ружьями и карабинами) или ихъ частью по непосредственнымъ приказаніямъ командира взвода.

Резюмируя эти выдержки ихъ можно свести къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) Для пѣхоты устанавливается единственная боевая форма: расчлененіе на боевыя группы, состоящая каждая изъ двухъ звеньевъ, по 10—12 человекъ; группа обязательно включаетъ въ себя автоматическое оружіе, къ которому придается: „съ одной стороны люди, которые его обслуживаютъ и его снабжаютъ, съ другой стороны тѣ, которые ведутъ развѣдку и его охраняютъ“.

2) „Отдѣльный стрѣлокъ“ больше не существуетъ; каждый боецъ имѣетъ специальныя обязанности по отношенію автоматическаго оружія своей боевой группы.

3) Рота перестала оцѣниваться какъ сила „винтовокъ“; она теперь составляется изъ нѣкотораго числа автоматическаго огнестрѣльнаго оружія; вокругъ каждого автоматическаго оружія объединяется необходимый личный составъ для его перемѣщенія, обслуживания, снабженія и прикрытія.

4) Требования въ бою одновременности и равенія, допустимыя въ эпоху когда взводы вели бой густыми стрѣлковыми цѣпами (à l'ap ras) и были въ строю очень схожимъ съ развернутымъ сомкнутымъ строемъ взвода, нынѣ совершенно не совмѣстимы съ боемъ группами и разсыпнымъ строемъ, необходимымъ теперь.

Какъ выводъ изъ этого: совершенное отрицаніе на полѣ современного боя допустимости сомкнутого строя.

5) Устанавливается лишь одинъ видъ огня, это огонь по желанію (усмотрѣнію) стрѣлка (Feu à volonté), который производится, нормально, по его инициативѣ.

Лишь при обученіи и въ особыхъ (т. е. исключительныхъ) случаяхъ допускается коллективная стрѣльба; но и при ней каждый стрѣлокъ ведетъ одиночный огонь по своему усмотрѣнію.

Стрѣльба залпами совершенно не предусматривается, т. е. отрицается.

6) Весь огонь базируется на огнѣ изъ ружей-пулеметовъ. Стрѣлки, вооруженные ружьями и карабинами, нормально, ведутъ „одиночную точную стрѣльбу по всякому уязвимому противнику, представляющему опасность для группы“; въ особыхъ (исключительныхъ) случаяхъ стрѣлки, вооруженные ружьями и карабинами, могутъ получить особыя задачи по обстрѣливанію той или иной цѣли.

Обращаясь къ разсмотрѣнію этихъ положеній, вызывающихъ по моему мнѣнію, нѣкоторыя сомнѣнія и возраженія, я, прежде всего, считаю нужнымъ установить тѣ основанія, которыя, какъ мнѣ кажется, вполне соответствуютъ опытнымъ даннымъ Европейской войны.

1) Сила современного артиллерійскаго, пулеметнаго и ружейнаго огня потребовала еще большаго, чѣмъ было принято до войны,

расчлененія боевыхъ формъ. Не только взводъ, но и отдѣленіе оказались слишкомъ громоздкими. Явилась необходимость расчленивъ отдѣленія и создать звенья въ 5—6 человекъ; или, что одно и то же, принявъ группу, т. е. примѣрно $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{4}$ взвода за основную боевую ячейку, расчленивъ ее, въ свою очередь, на два звена.

2) „Расчлененіе“ нельзя противопоставлять „разсыпанію“, такъ какъ эти два понятія не равнозначущія.

„Въ какихъ бы мелкихъ группахъ я ни наступалъ, это все же будетъ сомкнутый порядокъ, если каждая группа движется и дѣйствуетъ по импульсу одного, хотя бы даже она представляла безформенную, но плотную кучу... ударъ въ штыки безъ дружности исполненія, т. е. безъ сомкнутости, просто невысказимъ, если не предполагать въ каждомъ солдатѣ безграничнаго самоотверженія: а предполагать этого нельзя.“*

3) Пулеметъ и ружье-пулеметъ (т. е. автоматическое оружіе) являются могучимъ средствомъ современного боя; преуменьшать ихъ значеніе, для каждаго, побывавшаго въ бою, было бы просто смѣшно.

4) Одиночная, точная стрельба изъ винтовокъ является безспорно лучшимъ видомъ ружейной стрельбы.

Думаю, что противъ этихъ „основаній“ спорить никто не будетъ; не будутъ, полагаю, и составители французскаго устава 1920 г.

Между тѣмъ положенія, которыя выставлены во французскомъ уставѣ, вызываютъ возраженія, ибо они, основываясь фактически на правильныхъ данныхъ, явились результатомъ того, что „машинъ“ автоматическому оружію придано больше значенія чѣмъ людямъ, съ одной стороны обслуживающимъ и прикрывающимъ эту машину, а, съ другой стороны, долженствующимъ, при достиженіи поставленной цѣли, дѣйствовать хотя и въ связи съ автоматическимъ оружіемъ, но самостоятельно, т. е. имѣти свободу маневрированія.

Ставъ на совершенно правильный путь дальнѣйшаго расчлененія формъ боевого порядка, французы создали „боевыя группы“.

Для того же, чтобы этимъ „группамъ“ придать достаточную мощность и достаточную самостоятельность, они придали каждой группѣ ружье-пулеметъ.

Что же получилось?

а) Рота, по военному составу, расчленяется на 12 вполне самостоятельныхъ группъ.

Центръ тяжести управленія группами переходитъ къ командирамъ взводовъ; командиру роты управлять дѣйствующими группъ черезъ командировъ взводовъ, при маневренномъ бою, будетъ крайне затруднительно.

б) Значеніе роты „какъ силы винтовокъ“ дѣйствительно перестало существовать. И „перестало существовать“ не только вслѣдствіе того, что теперь она во французской арміи „составляется изъ нѣкотораго числа автоматическаго оружія“, перемѣщаемого, обслу-

* М. Драгомировъ. „14 Лѣтъ“ (1881—1894) стр. 140 и 141.

живаемаго, снабжаемаго и прикрываемаго группирующимся вокругъ него личнымъ составомъ, но и вслѣдствіе того, что маневренная сила роты понизилася.

Дѣйствительно: каждая группа состоитъ изъ двухъ звеньевъ, изъ которыхъ одно составляетъ ружье-пулеметъ съ непосредственно обслуживающимъ его персоналомъ, а другое, въ составъ 5-6 человекъ, является слабой маневренной ячейкой, которой и трудно ставить иную задачу кромѣ обезпеченія авана съ ружьемъ-пулеметомъ.

Въ рукахъ командира взвода и, тѣмъ паче, командира роты не будетъ сколько нибудь сильной маневренной группы для веденія боя. При этомъ, глубоко убѣжденъ, что, при указаніи § 252 французскаго устава о томъ, что „движеніе, обыкновенно, начинается съ перебѣжки звена стрѣлковъ-пулеметчиковъ“, это движеніе впередъ производить гораздо труднѣе чѣмъ передвиженіе группы съ автоматическимъ оружіемъ подъ прикрытіемъ уже перебѣжавшей группы вооруженной одними винтовками; послѣднія группы легче поднять чѣмъ группы съ довольно громоздкимъ автоматическимъ оружіемъ и имъ легче продвинуться впередъ.

Я этимъ не хочу сказать, что группа съ автоматическимъ оружіемъ совсѣмъ не является маневренной единицей; но отмѣчаю только то, что группа, связанная автоматическимъ оружіемъ, будетъ значительно менѣе гибкой, чѣмъ таковая же безъ автоматическаго оружія, и слѣдовательно ей труднѣе будетъ выполнять нѣкоторыя изъ задачъ по маневрированію.

в) При расчлененіи всего боевого порядка только на группы съ автоматическимъ оружіемъ, выполняющія подчасъ совершенно самостоятельныя задачи и при проводимомъ взглядѣ, что бой пѣхоты ведется на автоматическомъ оружіи, въ бою будутъ постоянные случаи, когда порча или подбитіе неприятельскимъ огнемъ автоматическаго оружія, будетъ выводить изъ строя цѣлую группу*).

2) Преувеличенное значеніе, придаваемое автоматическому оружію, естественно привело къ тому, что машина ставится выше человека. При подобномъ взглядѣ, конечно, вполне логично сдѣлать выводъ, что его дальнѣйшее развитіе можетъ повести „къ еще болѣе уменшенію боевой группы, образуя ее изъ 2-3 человекъ, заключенныхъ въ прикрывающее и подвижное броневое закрытіе“.

Сдѣлавъ этотъ вполне логичный выводъ, авторы французскаго устава, повидимому, сами его испугались и поспѣшили дополнить замѣчаніемъ, что „это предположеніе еще слишкомъ смѣлое“.

Да, конечно, „слишкомъ смѣлое“ и добавлю, что если-бъ оно было бы гдѣ либо принято въ чистомъ видѣ, т. е. въ расчлененіи всего боевого порядка на такія „ячейки“, то это создало бы

*) Есть еще и другая опасность: снабженіе патронами автоматическаго оружія не всегда конечно будетъ идти гладко, а задержка въ подачѣ патроновъ для ружей-пулеметовъ будетъ временно (иногда на продолжительное время) выводить изъ строя цѣлыя группы.

крайне неповоротливую и плохо управляемую массу*), которая была бы на полях сражений легко бита болѣе поворотливой и легче управляемой пѣхотой противника.

Между тѣмъ, не было бы абсурдомъ, если бы при пѣхотной части, были бы особыя небольшія группы, располагающія подобными „прикрывающими и подвижными броневыми закрытиями“, позволяющими бы имъ просачиваться впередъ подъ сильнымъ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ противника, закрѣпляться на новыхъ рубежахъ и тѣмъ облегчать продвиженіе впередъ и маневрированіе своей части.

Все горе въ томъ, что усовершенствованіе огнестрѣльнаго оружія сильно бьетъ на воображеніе и, въ стремленіи парировать усовершенствованіе техники противника и самимъ выступить въ ея всеоружьи, машину ставятъ на первый планъ, игнорируя свойствами человѣка, и тѣмъ доводятъ выводы до абсурда.

е) Приобрѣтается чрезвычайная самостоятельность начальниковъ группъ. Въ этомъ, конечно, есть положительныя, но есть и отрицательныя стороны.

Какъ мною уже отмѣчено, ротному командиру, во многихъ случаяхъ, будетъ трудно управлять ротой и его личное вліяніе уменьшается до минимума**).

Кромѣ того, подобная самостоятельность начальниковъ группъ и соответствующая подготовка для каждаго изъ нихъ, на случай убыли въ бою нѣсколькихъ замѣстителей, требуетъ очень высокаго индивидуальнаго развитія самыхъ младшихъ начальниковъ — ефрейторовъ и даже простыхъ рядовыхъ. Думаю, что это трудно достижимо даже въ арміяхъ, на укомплектованіе которыхъ поступаетъ контингентъ въ массѣ своей очень развитой. Въ арміяхъ же, комплектуемыхъ не достаточно или плохо развитымъ контингентомъ, это и совсѣмъ не достижимо.

Признавая все громадное значеніе автоматическаго оружія, считаю, что, при возсозданіи русской арміи, рѣшать этотъ вопросъ такъ — какъ рѣшаютъ французы — было бы болѣе чѣмъ ошибочно.

Болѣе правильно было бы:

1) Или въ составъ взвода имѣть одно отдѣленіе съ ружьями пулеметами, а три прочія вооруженныхъ винтовками. Отдѣленія, конечно, должны быть расчленены на болѣе мелкія подраздѣленія: группы или звенья;

2) Или въ составъ роты имѣть одинъ взводъ съ ружьями-пулеметами, а прочіе три взвода вооруженныхъ винтовками.

*) Въ частяхъ, въ которыхъ весь боевой порядокъ состоялъ бы изъ такихъ „броневыхъ ячеекъ“, въ случаѣ если бы свойства грунта или мѣстности не позваляли бы продвигаться этимъ машинамъ, не было бы никакихъ силъ двинуть впередъ людей безъ этихъ прикрытій. У нихъ привитой инстинктъ самосохраненія совершенно подавилъ бы чувство самоотверженія.

***) Я въ случаѣ убыли въ бою капралаго ротнаго командира управление ротой станеть въ еще худшія условія, такъ какъ имѣть вполнѣ подготовленныхъ замѣстителей для управленія ротой въ столь трудныхъ усл. вѣяхъ будетъ крайне трудно.

Какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ случаяхъ, въ зависимости отъ обстановки, пулеметная отдѣленія или взводы могли бы дѣйствовать въ полномъ составѣ, или расчлениваться на звенья, для придачи послѣднихъ къ тѣмъ или другимъ отдѣленіямъ или взводамъ.

Полагаю, что подобное рѣшеніе вопроса было бы болѣе целесообразно, сохранило бы большее вліяніе командира роты на управленіе своей частью въ бою, сохранило бы за ротой большую маневренную способность, а главное — было бы для боя болѣе гибкимъ, не создавая слишкомъ определенныхъ и, подчасъ, не соответствующихъ обстановкѣ формъ.

Лично считаю, что въ ротѣ лучше имѣть взводъ, состоящій изъ группы съ ружьями-пулеметами.

Переходя къ вопросу объ огнѣ, долженъ отмѣтить, что и при его разрѣшеніи французы совершенно правильно устанавливая, что одиночная, точная стрельба изъ винтовки (*feu à volonté*) является лучшей и, вводя данныя, основанныя на чрезмерномъ преклоненіи передъ автоматическимъ оружіемъ, что „весь огонь базируется на огнѣ изъ ружей-пулеметовъ“, что „отдѣльный стрѣлокъ болѣе не существуетъ“ и что „рота перестала оцѣниваться, какъ сила винтовокъ“ дѣлаютъ вполне логичный выводъ, устанавливая, какъ единственно правильную, одиночную стрельбу „по всякому уязвимому противнику, представляющему опасность для группы“).

Коллективный огонь, (въ смыслѣ указанія изначальникомъ цѣли, прицѣла, а когда потребуется и примѣрнаго числа патроновъ для данной стрельбы) допускается, какъ исключеніе, въ особыхъ случаяхъ.

Подобная постановка вопроса, основанная на безусловной вѣрѣ въ то, что автоматическое оружіе будетъ въ бою дѣйствовать всегда „автоматически“ безусловно, т. е. безъ отказа, спокойно и мѣтко, а прикрывающіе его стрѣлки будутъ всегда вести не менѣе „автоматическую“ одиночную и мѣткую стрельбу „по всякому уязвимому противнику, представляющему опасность для группы“, — была бы совершенно правильна если бы огонь можно было вести въ условіяхъ мирной обстановки, т. е. тогда когда стрѣлокъ управляющій автоматическимъ оружіемъ и стрѣлокъ вооруженный винтовкой не подвергались, въ свою очередь, обстрѣлу артиллерійскимъ, пулеметнымъ и ружейнымъ огнемъ противника. А такъ какъ въ бою такой мирной обстановки создать нельзя, то нельзя забывать того, какъ бы ни было совершенно огнестрѣльное оружіе, имѣ дѣйствовать будетъ человекъ, крайнѣ впечатлительный въ обстановкѣ боя.

Другими словами, и въ данномъ случаѣ, подъ острымъ впечат-

*) При подобномъ указаніи устава является очень серьезная опасность истинный самосохраненія всегда подсказываетъ, что наиболѣе опасный противникъ тѣмъ, который, какъ кажется, угрожаетъ даннымъ стрѣлкамъ. Поэтому естественно ими будетъ преслѣдоваться прежде всего цѣль собственнаго обезпеченія, а не общая цѣль. Приведенное указаніе устава играетъ въ руку развитія инстинкта самосохраненія и его поощряетъ.

льнѣмъ силы пулеметнаго огня, французы вдалились въ крайность и пренебрегли неизмѣнными „свойствами человѣка“.

Всякій, побывавшій въ бою, отлично знаетъ, что, при малѣйшемъ ослабленіи руководства огнемъ со стороны команднаго состава, огонь приобретаетъ безпорядочный характеръ и масса пуль выскатается на вѣтеръ.

Старая истина, что у солдатъ является стремленіе заглушить ружейной трескотней чувство страха, осталось и останется неизмѣнной. Не измѣняетъ этой истины ни пулеметъ, ни ружье-пулеметъ; управлять ими будетъ тотъ же человѣкъ, подверженный тому же чувству страха и инстинкту самосохраненія. Безпорядочная, „въ пустую“, стрѣльба изъ пулемета и ружья-пулемета, безъ руководства огнемъ со стороны офицерскаго состава, всегда будетъ имѣть мѣсто.

Все это, конечно, хорошо извѣстно участвовавшимъ въ бояхъ, но преклоненіе передъ силой пулеметнаго огня, заставляетъ эту истину забывать и рѣшать вопросъ о производствѣ огня односторонне.

Позволю себѣ привести выдержку изъ статьи Шнеура „Годъ на конѣ“ („Etude sur les combats, par Ardent du Pic“), напечатанной въ „Военномъ Сборникѣ“ 1883 г., № 6, гдѣ авторъ даетъ свѣдѣніе о дѣйствіи въ Азіатской Турціи въ Русско-Турецкую войну 1877—1878 г.г.:

„Изъ краткаго описанія хода обороны видно, что успѣхъ ея зависитъ не столько отъ массы выпущенныхъ пуль, сколько отъ правильнаго выбора цѣлей и времени. Ясно, слѣдовательно, что при оборонѣ важнѣе всего руководство огнемъ, въ особенности подъ конецъ дѣла. А это требуетъ чтобы огонь ни на минуту не ускользалъ изъ рукъ начальниковъ. Поэтому на вопросъ: какого рода огнемъ слѣдуетъ пользоваться—приходится отвѣтить: исключительно такимъ, который сохраняетъ управленіе огнемъ за офицерами...“

„Сводя все вышеизложенное къ простому правилу, мы увидимъ, что обороноющемуся слѣдуетъ скупиться на огонь, когда онъ не особенно вредоносенъ, и усилить его до послѣдней крайности, когда онъ дѣйствительно губителенъ; во все-же время стрѣлять по опредѣленнымъ частямъ противника, а не по предполагаемымъ“.

М. Драгомировъ, разбирая статью Шнеура, писалъ*): „Авторъ сильно и доказательно настаиваетъ на полной дисциплинировкѣ пѣхотнаго огня, доведенной до того, чтобы люди были способны во всякую минуту направить его туда, куда будетъ приказано, и прекращать тотчасъ же, какъ будетъ приказано; чтобы они никогда не срывали на ту бышнюю трескотню, которая, опьяняя и утомляя, дѣлаетъ ихъ неспособными къ стрѣльбѣ именно тогда, когда она нужнѣе всего, т. е. когда противникъ сблизится на 300, 400 шаговъ и когда его можно разстрѣливать какъ-бы въ упоръ.“

Однимъ словомъ, авторъ признаетъ и прекрасно развиваетъ старую формулу: прибѣгать къ стрѣльбѣ „рѣдко да мѣтко“, и это служитъ свидѣтельствомъ, что даже относительно огня суворовскіе

*) М. Драгомировъ „14 лѣтъ“ 1881—1894 г.г., стр. 96 и 97.

принципы остались незаблемыми. Можно ихъ временно забывать подъ вліяніемъ инстинкта самосохраненія, взбудораженнаго новыми и неожиданными впечатлѣніями; можно, улекаясь поверхностнымъ новаторствомъ, умозаключать отъ перемѣны ружья къ перемѣнѣ всей тактики, но приходитъ минута спокойнаго размышленія, — и опять припоминаютъ, что бьетъ не оружіе, а человекъ; припоминаютъ и формулы, на этомъ основанныя, ибо если человекъ не измѣнился, оружіе, само по себѣ, много измѣнить не можетъ*.

Европейская война выдвинула пулеметь и ружье-пулеметь, какъ могучее средство пѣхотнаго боя, но отсюда еще далеко дѣлать выводъ, что весь бой основывается на автоматическомъ оружіи и что рота больше не оцѣнивается какъ сила „винтовокъ“ и что „отдѣльный стрѣлокъ“ больше не существуетъ*.

При маневренномъ, а не позиціонномъ характерѣ боя—значеніе, какъ отдѣльнаго стрѣлка, такъ и отдѣльныхъ группъ, вооруженныхъ только винтовками, нисколько не умалилось.

Что касается до коллективнаго огня, то врядъ ли на него можно смотрѣть только какъ на такой видъ огня, который можетъ допускаться лишь въ особыхъ, исключительныхъ случаяхъ.

Опытъ Европейской войны лишь подтвердилъ необходимость дисциплины огня, а лучшимъ средствомъ для достиженія таковой является огонь коллективный, къ которому офицерскому составу необходимо было часто прибѣгать во время прошедшей войны и придется прибѣгать и въ будущемъ.

Наконецъ коллективный огонь можетъ быть примѣняемъ, главнымъ образомъ при оборонѣ, съ закрытыхъ позицій. Отрицать возможность и значеніе такого ружейнаго огня не приходится.

Если артиллерія и пулеметы ведутъ огонь съ закрытыхъ позицій, то и часть вооруженная винтовками можетъ вести его въ некоторыхъ случаяхъ съ полнымъ успѣхомъ.

Что касается огня залпами, то и его пользу примѣненія, въ некоторыхъ случаяхъ, нельзя отрицать.

Наконецъ, что касается формъ строя и боевого порядка, то указаніе,*) что „одновременность и равеніе допустимыя въ эпоху когда нормальны взводы вели бой густыми стрѣлковыми цѣпами (a un pas) и слѣдовательно были въ строю очень схожимъ съ развернутымъ сомкнутомъ строемъ взвода, эти идеи не совмѣстимы нынѣ съ боемъ группами и разсыпаннымъ строемъ, необходимымъ теперь.“ привело къ вытекающему изъ него безусловному отрицанію сомкнутаго строя при современной силѣ артиллерійскаго, пулеметнаго и ружейнаго огня противника. Этотъ выводъ мнѣ представляется также однобокимъ и преувеличеннымъ.

Въ основу его также положено совершенно правильное указаніе войны, что вести наступленіе густыми цѣпами, а тѣмъ паче сомкнутыми частями, безумно; боевой порядокъ долженъ быть расчлененъ возможно больше и каждая изъ самыхъ мелкихъ частей расчленен-

*) Стр. 12 Устава 1920 г. Рапортъ министру.

наго боевого порядка должна представлять наименьшую цѣль для противника.

Но это требование, всегда отвѣчающее наступленію подъ огнемъ противника, не всегда будетъ соответствовать моменту удара, штурму.

Эта форма, отвѣчающая идеѣ просачиванія на неприятельскую позицію, не будетъ отвѣчать случаямъ, когда требуется короткий, но мощный ударъ; ударъ массою, „кулакомъ“, а не растопыренными пальцами“.

И эти послѣдніе случаи встрѣчались на войнѣ часто, встрѣчались и при прорывахъ неприятельскихъ позицій и при полевыхъ бояхъ.

„Относительно боевыхъ формъ всегда останется вѣрнымъ положеніе, установленное еще эпохою Наполеона: это безконечное ихъ разнообразіе; в сѣ онѣ самозаконны, в сѣ явятся лучшими на своемъ мѣстѣ и въ свое время — отъ тонкой линіи безъ всякаго резерва и до походной колонны, въ которой велась атака подъ Арколе.“

Принимать въ области формъ правила и исключенія — значитъ добровольно вистовать въ руку вредной рутинѣ; нельзя безнаказанно устанавливать правила и исключенія тамъ, гдѣ все волнуется, все течетъ; гдѣ на каждомъ шагу правило обращается въ исключеніе, и наоборотъ*).

Это было написано М. Драгомировымъ въ 1885 году, но осталось и останется неизмѣннымъ.

Теперь я позволю себѣ остановиться на вопросѣ примѣненія во французской арміи новаго устава 1920 года при военныхъ операціяхъ въ Марокко.

Надо сказать, что характеръ противника и условія Марокканскаго театра военныхъ дѣйствій носятъ дѣйствительно такія особенности, которыя, конечно, заставляютъ вырабатывать для успешныхъ тамъ дѣйствій особыя, совершенно отличныя отъ общепринятыхъ, формы походныхъ движеній, расположенія на отдыхѣ, охраненія, связи, развѣдки, тактики боя и проч.

Эти особенности Марокканскаго театра военныхъ дѣйствій крайне схожи съ тѣми, съ которыми пришлось, въ свое время, столкнуться русской арміи при военныхъ дѣйствіяхъ въ Средней Азій.

Въ цѣломъ рядъ номеровъ „La Revue d'Infanterie“ за 1922 и 1923 года, подъ заглавіемъ „La conduite des opération militaires au Maroc“, напечатаны сообщенія, сдѣланныя въ Meknes'ѣ въ 1921 году, на специальныхъ курсахъ для старшихъ офицеровъ войскъ, дѣйствующихъ въ Марокко, полковникомъ Руэ (Rouet), командиромъ 65-го полка марокканскихъ стрѣлковъ.

Тактика и характеръ веденія операцій, изложенныхъ въ сооб-

* М. Драгомировъ, „Старыя погудки на новый ладъ“. „В С.“ 1885 г. №№ 6 и 7.

цѣляхъ полковника Руэ и вызываемые особенностями противника и характеромъ театра военныхъ дѣйствій, применяются французами въ Мароко.

Какъ указываетъ полковникомъ Руэ,*) „Война въ Мароко является главнымъ образомъ маневренной войной. Войска, назначенныя для операций, должны быть соответственно организованы и должны быть всегда готовы для выступления по первому сигналу“.

Вотъ выдержки изъ сообщеній полковника Руэ, которыя относятся къ разбираемымъ мною вопросамъ и заслуживаютъ особеннаго вниманія:

„Общие принципы, которые направляють веденіе войны, применимы на всехъ театрахъ войны.

Само собой, что эти принципы должны быть приспособлены, при ихъ примененіи, къ характеру противника, къ характеру мѣстности, на которой приходится вести операции, къ особенностямъ условий климатическихъ въ колониальныхъ районахъ, однимъ словомъ— тактика походныхъ движеній, расположенія и боя должны считаться въ Мароко съ совершенно особенной обстановкаю, въ которой приходится проводить эти принципы“ (**). (*La Revue d'Infanterie*, 1-г Fevrier 1923, p. 290).

Огонь пѣхоты. (*La Revue d'Infanterie*, 1-er avril 1923, p. 651 et 652)— „Туземный солдатъ, обычно нерыный, и нашъ молодой солдатъ короткаго срока службы, направляемые недостаточно опытнымъ кадромъ, имѣютъ склонность расходовать большое количество патроновъ.

Ихъ необходимо подчинить строгой дисциплинѣ огня. Огонь опредѣленнымъ числомъ патроновъ и огонь залпами являются какъ правило.

Надо задерживать, насколько возможно, открытія огня и вести, на сближеніяхъ дистанціяхъ, только хорошіи прицѣльный огонь. Огнь понижаетъ мгновенно духъ противника, который, обсыпанный большимъ количествомъ пуль въ минимальный промежутокъ времени, будетъ взятъ врасплохъ и будетъ колебаться вести дальнѣйшее наступленіе.

Огонь ведется, обычно, взводами...

Къ скорому огню надо прибѣгать насколько возможно рѣже, применяя магазинный огонь только съ хорошо обученными туземными войсками, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, къ моменту штурма противника, значительное число ружей будетъ выведено изъ строя... (***)

Достигнувъ позиціи противника, остановить войска на захвачен-

*) *La Revue d'Infanterie*, 1-er Mai 1922, p. 571.

**) Въ выносѣ указано, что всѣ войска должны быть пригодны для дѣйствій на любомъ театрѣ военныхъ дѣйствій, а потому кадры и части, расположенныя въ Мароко, должны быть ознакомлены полностью съ принципами общаго дѣйствующаго устава.

***) Т. е. съ заклиненными патронами, разстрѣяннымъ магазиномъ, или по другимъ причинамъ.

ной позиціи и не позволять имъ бросаться въ преслѣдованіе; надо, наоборотъ, остановить ихъ на указанной линіи и обстрѣлять отступающаго противника залпами, что гораздо болѣе дѣйствительно...

Пѣхотная рота обычно снабжена 8-ю ружьями-пулеметами, но вслѣдствіе незначительнаго числа людей, умѣющихъ хорошо употреблять это оружіе, роты употребляютъ въ дѣло часто только ихъ половину...

Оно (т. е. ружье-пулеметь) мало уязвимо; оно требуетъ звеньевъ хорошо подготовленныхъ, если хотѣть получить отъ ихъ употребленія хорошей результатъ. Оно очень чувствительно*) во время движенія...

Къ моменту штурма приставлять къ ружьямъ штыки: это поднимаетъ увѣренность въ своихъ войскахъ и понижаетъ духъ противника, который рѣдко рѣшается принять штыковой ударъ"...

Резюмируя эти указанія для „Марокскихъ операцій“, можно ихъ свести къ слѣдующимъ:

1) Требуется строжайшая дисциплина огня.

2) Коллективный огонь (опредѣленнымъ числомъ патроновъ и залповый) устанавливается, какъ правило.

3) Огонь рекомендуется вести взводами, т. е. руководство огнемъ сосредотачивается, въ низшей инстанціи — въ рукахъ командировъ взводовъ, что полностью сохраняетъ за командиромъ роты руководство огнемъ всей роты.

4) Возстанавливается значеніе „отдѣльнаго стрѣлка“ и роты „какъ силы винтовокъ“.

5) Автоматическому оружію (ружью-пулемету) отводится подобающее мѣсто, т. е. какъ могучему, но какъ вспомогательному средству.

6) Подчеркивается значеніе угрозы удара въ штыки, т. е. способности части сойтись до рукопашной схватки. Этимъ указывается значеніе способности къ удару, а не только „къ просачиванію“; а слѣдовательно и восстанавливается значеніе къ моменту удара смятаго строя.

Являются ли всѣ эти отступленія отъ указаній устава 1920 года только слѣдствіемъ „особенностей Марокскаго театра войны“?

Среди мотивовъ, приводимыхъ полковникомъ Руз, есть крайне интересные:

„Туземный солдатъ, обычно, нервный, и нашъ молодой солдатъ короткаго срока службы, направляемые недостаточно опытнымъ кадромъ, имѣютъ склонность расходовать большое количество патроновъ“.

„Къ скорому огню надо прибѣгать настолько возможно позже, примѣняя магазинный огонь только съ хорошо обученными туземными войсками, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, къ моменту штурма противника, значительное число ружей будетъ выведено изъ строя“.

*) Т. е. легко поддается порчѣ и отказываетъ въ дѣйствиіи.

„Ружье-пулеметъ требуетъ звеньевъ хорошо подготовленныхъ, Если хотять получить отъ ихъ употребленія хорошей результатъ. Оно очень чувствительно во время движения“.

Если дешифровать эти мотивы, то ихъ истинный смыслъ будетъ таковъ:

1) Огонь, безъ должнаго руководства со стороны команднаго состава, производимый по желанію стрѣлковъ (*Feu à volonte*), подъ влияніемъ волненія въ бою, страха и инстинкта самосохраненія часто обращается въ трескотню, безопасную для непріятеля, но крайне опасную въ моральномъ отношеніи для войскъ ее производящую.

2) Магазиное, а слѣдовательно и автоматическое оружіе, безъ должной дисциплины огня и необходимаго неослабнаго руководства со стороны офицерскаго состава, теряетъ всѣ свои преимущества — какъ оружія, могущаго въ наикратчайшій срокъ послать въ непріятеля, представляющаго изъ себя хорошую цѣль, большое количество пуль.

Вѣроятно, при безпорядочной стрѣльбѣ, часто бывали случаи порчи магазина, заклиненія патроновъ, или разстрѣла безцѣльно и преждевременно имѣвшихъ обоймъ (или патроновъ) и пулеметныхъ лентъ, слѣдствіемъ чего явилось то, что въ нужный моментъ въ рукахъ стрѣлковъ не оказывалось магазинаго или автоматическаго оружія.

Указывается, что перечисленныя выше поправки къ уставу 1920 года должны примѣняться на Марокскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій.

Но дѣйствительно ли эти поправки должны имѣть только столь странное территориальное ограниченіе, вызываемое особенностями противника и театра военныхъ дѣйствій? Нѣтъ ли здѣсь уже сознанія, что уставъ 1920 года, составленный по опыту Европейской войны, въ смыслѣ установленія характера огня, даетъ односторонніе и недостаточно продуманные выводы изъ этого опыта?

Вѣдь надо полагать, что на европейскомъ театрѣ въ рядахъ французской арміи будутъ дѣйствовать тѣ-же нервные и неумѣющія обращаться съ магазиннымъ оружіемъ туземныя части, а въ составѣ европейскихъ французскихъ частей будутъ вливаться контингенты еще менѣе подготовленные, чѣмъ это имѣетъ мѣсто нынѣ, въ мирное время, при укомплектованіи частей, дѣйствующихъ въ Африкѣ.

Очевидно, что мотивы, приводимые полковникомъ Руз, что называется, притянуты за волосы, а дѣйствительные мотивы измененій въ требованіяхъ относительно характера огня — именно тѣ, которые указываются мною.

А если это такъ, то поправки, дѣлаемые французами къ уставу 1920 года для Марокскаго театра войны, являются суровымъ приговоромъ введенія только индивидуальнаго, по желанію стрѣлка, огня и отказа отъ строгой его дисциплины.

Не являются ли эти поправки и косвеннымъ приговоромъ расчлененія всего боевого порядка изъ группы по 10—12 человекъ,

включающія въ себя каждая автоматическое оружіе? Въдѣ эта форма боевого порядка, основанная на томъ, что нынѣ дѣйствія пѣхоты зиждятся лишь на дѣйствіяхъ группъ съ автоматическимъ оружіемъ, и привела къ установленію видовъ огня, указанныхъ въ уставѣ 1920 года.

ПОЗИЦИОННАЯ ВОЙНА.

Разбирая статью Шнеура „Годъ на конѣ“ М. Драгомировъ⁷⁾, въ 1885 г., между прочимъ, указалъ на слѣдующее:

„Дѣйствительно, импровизованные укрѣпленные лагери играли въ послѣднее время роль блистательную; но это указываетъ только на одно, что не нужно давать времени неприятелю возводить ихъ; на это есть много способовъ, изъ коихъ первый — начинать кампанію съ достаточными силами.

Замѣчаемаго авторомъ поворота къ позиціонной системѣ мы, признаться, не замѣчаемъ; тѣ затяжки кампаній, которыя всегда слѣдуютъ за неудачами (преимущественно наступающаго, иногда и обороняющагося), представляютъ явленія другого корня и объясняются просто тѣмъ, что потерпѣвшій неудачу собирается съ силами, а его противникъ недостаточно рѣшительнъ или недостаточно силентъ, чтобы переходить въ наступленіе или воспользоваться своей удачей. Такого рода затихшя представляютъ намъ и кампаніи Наполеона: перерывы дѣйствій въ 1796 году, наступавшіе за каждымъ отраженіемъ австрийцевъ; въ 1809 послѣ Аспернской неудачи; въ 1812-мъ, послѣ Бородини; въ 13-мъ, послѣ Бауэна. Въ подобныхъ перерывахъ, равно и въ Плевненскомъ, нѣтъ ничего сходнаго съ тѣмъ, что принято въ теоріи разумѣть подѣ позиціонной системой“.

Европейская война, на большемъ своемъ протяженіи, носила уже чисто позиціонный характеръ, но главная причина перехода къ позиціонной войнѣ была та-же, которую указываетъ М. Драгомировъ, какъ причину приводимыхъ имъ примѣровъ затяжекъ кампаній, т. е. недостатокъ силъ и средствъ.

Я уже отмѣтилъ, что ошибочно всѣ выводы строить на позиціонномъ характерѣ Европейской войны, думая, что и впредь всякая большая война будетъ носить позиціонный характеръ.

Конечно, не всѣ такъ думаютъ, но очень и очень многіе, находясь подъ гнетомъ позиціоннаго характера Европейской войны и страшнаго развитія техническихъ средствъ борьбы, совершенно не представляютъ себѣ будущихъ войнъ въ видѣ полевыхъ маневренныхъ операцій.

Правда, з: это говорятъ и многомилліонныя современные арміи и страшное развитіе техническихъ средствъ борьбы, и, наконецъ, общіе стремленія при первоначальномъ сосредоточеніи войскъ быть достаточно сильными на всѣхъ важныхъ направленіяхъ — не только

⁷⁾ М. Драгомировъ. „14 Лѣтъ“, 1881 — 1894 г. г., стр. 108

своего удара, но и возможных ударовъ со стороны противника. Последнее же приводитъ къ кордонной системѣ, мѣшающей сосредоточить достаточныя силы и средства на важнѣйшихъ направленияхъ.

Неудачи же, являющіяся результатомъ наступлений съ недостаточными силами и средствами, приводили къ необходимости переходить къ позиціонной борьбѣ, дабы имѣть время и возможность накопить новыя силы и достаточныя средства для новаго удара и для новаго перехода въ наступление.

Блестяще задуманный германцами ударъ по французской арміи въ 1914 году не былъ проведенъ полностью; вследствие ослабления провозглашенной группы.

Мольбѣ не имѣвъ мужества принять на себя всю ответственность и провести до конца, повторяю, блестяще задуманный планъ.

Мариское сраженіе въ 1914 г. было проиграно германцами въ значительной степени изъ-за недостатка силъ и средствъ, который, при большѣ талантливомъ руководителѣ наступленіемъ германскихъ армій, была полная возможность имѣть на лицо.

Французы, перейдя въ наступление послѣ Мариской побѣды, выдохлись и, не имѣвъ достаточныхъ силъ и средствъ, прекратили давленіе на противника, перешедшаго къ оборонѣ.

Началась позиціонная борьба на западномъ фронтѣ.

На нашемъ, восточномъ, фронтѣ позиціонная борьба установилась въ 1915 году, опять таки, вследствие того, что наши наступленія 1914 и начала 1915 годовъ потерпѣли неудачу отчасти отъ недостатка, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, силъ, а главнымъ образомъ, вследствие недостатка техническихъ средствъ.

Наступленіе на нашемъ юго-западномъ фронтѣ весной 1916 года имѣло, какъ извѣстно, первоначально демонстративный характеръ. Ставка предполагала нанести главный ударъ на западномъ фронтѣ.

Совершенно неожиданно для Ставки наступленіе на юго-западномъ фронтѣ вылилось въ грандіозный прорывъ австро-венгерскаго фронта и обѣщало, при своемъ развитіи, превратиться въ очень крупную побѣду съ полной ликвидаціей австро-венгерскихъ силъ. Въ то-же время главнокомандующій западнаго фронта генералъ Эвертъ проявилъ колебаніе и настойчиво просилъ объ отсрочкѣ намѣченнаго наступленія, пока онъ не будетъ усиленъ еще новыми техническими средствами.

Ставка рѣшила отъѣлнить намѣчавшійся ударъ на западномъ фронтѣ и развитіи успѣхъ, достигнутый къ началу Іюня 1916 года на юго-западномъ фронтѣ. Но желѣзныя дороги не могли справиться съ быстрой переброской силъ и техническихъ средствъ борьбы съ западнаго на юго-западный фронтъ и усиленіе послѣдняго началось поздно и недостаточными силами „пачками“. Войска же юго-западнаго фронта, ослабленные большими потерями въ непрерывныхъ бояхъ и утомленные, а также неподдержанные во время, что называется, выдохлись, а германцы, спасая австро-венгерскую армію,

успѣли перебросить къ угрожаемымъ районамъ значительныя силы и возстановили прорванный фронтъ. Къ этому надо добавить, что, вслѣдствіе недостаточно быстрой подачи на фронтъ огнестрѣльныхъ припасовъ, войска юго-западнаго фронта снова стали ощущать недостатокъ въ снарядахъ.

Борьба на фронтѣ стала затихать, и снова превратилась въ чисто позиціонную.

При разработкѣ плана кампаніи на 1917 годъ^{*)}, бывший въ то время^{**)} временно исполнявшимъ должность начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго, генераль Гурко, чувствуя себя „калѣфомъ на часъ“ не могъ съ достаточной рѣшимостью провести тотъ планъ, который онъ считалъ лучшимъ. Каждый изъ главнокомандующихъ страстно отстаивалъ интересы именно своего фронта; генераль Рузскій указывалъ на опасность ослабленія сѣвернаго фронта, говоря, что если это произойдетъ, то, не только арміи его фронта не будутъ способны къ какой либо серьезной наступательной операціи, но онъ не ручается за обезпеченіе Петрограда въ случаѣ наступленія германцевъ.

Генераль Эвертъ указывалъ на необходимости усиленія западнаго фронта, доказывая, что главный ударъ долженъ быть произведенъ на его фронтъ; въ случаѣ же ослабленія армій его фронта онъ выражалъ опасеніе въ возможности удержать позиціи при переходѣ въ наступленіе германцевъ.

Генераль Брусиловъ, основываясь на опытѣ наступленія 1916 года, указывалъ, что юго-западный фронтъ можетъ успѣшно выполнить возлагающуюся на него задачу только въ томъ случаѣ, если заблаговременно, въ направленіяхъ, избранныхъ для главнаго удара, будутъ сосредоточены сильныя резервы на счетъ войскъ другихъ фронтовъ.

Генераль Сахаровъ протестовалъ противъ возможности ослабить войска румынскаго фронта, указывая, наоборотъ, на необходимости ихъ усиленія.

Бывшій въ отпуску по болѣзни начальникъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго, генераль Алексѣевъ, которому посылались для свѣдѣнія предположенія Ставки на 1917 г., не будучи согласнымъ съ нѣкоторыми изъ намѣчавшихся Ставкой рѣшеній, горячо противъ нихъ протестовалъ, прося довести до свѣдѣнія Государя, какъ Верховнаго Главнокомандующаго, свое мнѣніе.

Это былъ періодъ, когда характеръ позиціонной борьбы, развивавшейся прежде всего въ кордонной системѣ и стремленій быть достаточно сильными на всѣхъ направленіяхъ, подавлять умъ и волю старшаго команднаго состава.

Чѣмъ бы кончилась кампанія 1917 года, если-бы не разразилась, во славу врагамъ и интервенціоналу, „великая и безкровная“ революція въ Россіи, гадать, конечно, болѣе чѣмъ трудно; но мнѣнія глав-

^{*)} Въ ноябрѣ и декабрѣ 1916 года.

^{**)} Съ ноября 1916 г. до половины февраля 1917 года.

покомандующихъ сѣвернаго, западнаго и румынскаго*) фронтовъ восторжествовали въ томъ смыслѣ, что для предполагавшагося главнаго удара на юго-западномъ фронтѣ было намѣчено совершенно недостаточное количество силъ для дѣйствительно серьезной операціи.

Этими примѣрами я хотѣлъ показать, что переходъ къ позиціонной борьбѣ въ теченіе Европейской войны происходилъ прежде всего вслѣдствіе недостатка силъ и средствъ, которые нужно было пополнить и замѣнить окопами и проволокой, дабы заградить себя отъ ударовъ противника и получить время для производства новаго накопленія силъ и матеріальныхъ техническихъ средствъ для новаго усиленія, новаго перехода въ наступленіе.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, созданіе сплошной укрѣпленной позиціи, особенно на нашемъ фронтѣ, отъ Балтійскаго до Чернаго моря, вызывало стремленіе вездѣ быть достаточно сильными и мѣшало подготовкѣ операціи въ крупномъ масштабѣ, позволявшей бы, посты прорыва позицій противника, выдти на просторъ съ крупными свѣжими силами и рѣшить участь кампаніи полевыми боями.

Можно ли быть увѣренными, что и будущія войны будутъ приводить въ результатъ къ позиціонной борьбѣ и къ борьбѣ на истощеніе?

Конечно нѣтъ.

А разъ этой увѣренности нѣтъ, то, дѣлая выводы изъ опыта Европейской войны, нельзя забывать, что надо прежде всего быть подготовленными къ полевой борьбѣ, учитывая, что она можетъ превратиться и въ борьбу позиціонную.

* * *

КОННИЦА НА ПОЛЯХЪ СРАЖЕНІЙ.

Уже въ восьмидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія, подъ вліяніемъ развитія огнестрѣльнаго оружія, въ военной литературѣ проповѣдывалось, что „конница нѣтъ мѣста на поляхъ сраженій“. По этому вопросу, называя его „моднымъ миражемъ“, М. Драгомировъ писалъ: „Миражъ, созданный на неопредѣленности выраженій и на маломъ знакомствѣ съ исторіей конницы. Противъ пѣхоты, не потерявшей самообладанія, конница никогда не могла сдѣлать особенно много; но противъ опрокинутой или застигнутой врасплохъ она дѣлала то; чего никакой другой родъ войскъ сдѣлать не въ состояніи: батальоны, опрокидываемые десятками, плѣнные, забираемые тысячами.

Въ какой моментъ сраженія ей нѣтъ мѣста? Если въ началѣ, то и прежде такъ было; если въ концѣ, то это не вѣрно. Какъ чистѣйшій и вслѣдствіе того односторонній представитель нравственной энергіи — конница и прежде считалась и будетъ считаться съ нрав-

*) Генерала Сахарова, который назывался „помощникомъ Главнокомандующаго Главнокомандующимъ считался Румынскій К роль

ственнымъ состояніемъ людей и никогда съ состояніемъ оружія. Какъ бы послѣднее ни стало совершеннымъ, оно ни на юту не измѣнитъ нравственной стороны человѣка, который не сдѣлался менѣе доступенъ унынію, отчаянію, паникѣ отъ того, что у него нарѣзая скорострѣлка. А если это такъ, то минуты унынія, отчаянія, паники въ непріятельской пѣхотѣ будутъ случаться теперь, какъ и прежде, и будутъ всегда торжествомъ для нашей конницы. Правда, пѣхоту можно сдѣлать менѣе доступной сказаннымъ чувствамъ; но это достигается воспитаніемъ, направленнымъ къ развитію самообладанія, а не тѣмъ, либо другимъ ружьемъ*).

Въ 1891 г. въ статьѣ „Холодное оружіе“, помѣщенной въ „Развѣдчикѣ“, М. Драгомировъ, затрагивая вновь вопросъ о „военныхъ призракахъ“ и ссылаясь на свою статью, напечатанную въ 1883 г., говоритъ:

„Помнится, въ той статьѣ былъ, между прочимъ, приведенъ призракъ, кажу щій, будто „при современномъ оружіи конница имѣтъ мѣста на поляхъ сраженій“. Высказывалось это прямо и рѣшительно, не задумываясь и даже не красясь. Помнится также, что этотъ призракъ я попытался разсѣять, напоминаямъ слѣдующихъ фактовъ: 1) конница дѣлаетъ чудеса, когда руководима настоящими, съ духомъ и свойствамъ приличествующими, начальниками; имѣть ихъ, имѣть и конницы; тѣкъ всегда было, слѣдовательно, всегда и будетъ; 2) такая зависимость отъ командира**)) обуславливается тѣмъ, что пѣхота сама вырабатываетъ себѣ мгновенья для атаки, конница же должна ловить на лету такая мгновенья, когда они представляются, а на это способны весьма немногіе; 3) и во времена Фридриха Великаго удары конницы были блистательны только тогда, когда она заставляла пѣхоту врасплохъ, т. е. въ строѣ, неудобномъ для встрѣчи кавалерійской атаки: подъ Россбахомъ—походныя колонны***), подъ Гоген-Фридбергомъ—развернутые батальоны, занятые перемѣною фронта. Слѣдовательно, выводя о современномъ яко-бы ничтожествѣ конницы объясняется не усовершенствованнымъ оружіемъ, а просто тѣмъ, что проповѣдившіе эту вредную нелѣпность не дали себѣ труда обследовать дѣло со всѣхъ сторонъ, подчинившись непродуманному первичному впечатлѣнію дальнобойности. Они были бы правы, доказавъ, что пѣхоту теперь, никогда нельзя застать врасплохъ, и что въ будущемъ конница никогда не будетъ имѣть талантливыхъ начальниковъ. Очевидно, ни того, ни другого въ зависимости отъ усовершенствованнаго огнестрѣльнаго оружія доказать нельзя, не глумясь воочію и сознательно надъ здравымъ смысломъ. И что это такъ, доказательство на лицо; только они его проглядыли для того вѣроятно, чтобы не ослаб-

*)) М. Драгомировъ, „Военные призраки“ „Воен. Сб.“ 1881 г. № 3.

М. Драгомировъ: „14 лѣтъ“ 1891—1894 гг.; стр. 57 и 58.

**)) Она существуетъ и такъ же могуча и въ пѣхотѣ но не такъ рѣзко проявляется. Еще древніе говорили: лучше армія барановъ, предводимая львомъ, нежели армія львовъ, предводимая бараномъ.

***)) Т. е. полная неготовность къ бою, не только матеріальная, но и духовная.

лять силы своей аргументации; это атака Бехтольсгейма на италянскомъ театрѣ войны, въ кампанію 1866 г., въ сраженіи при Кустоцѣ: съ тремя, кажется, взводами онъ опрокинулъ цѣлую пѣхотную бригаду, шедшую въ походномъ порядкѣ и вооруженную не гладкимъ оружіемъ. Да если бы она была вооружена скорострѣйшимъ и дальнѣйшимъ оружіемъ, развѣ это помогло бы другому исходу столкновения? Вотъ что значитъ конница въ умѣлыхъ рукахъ. „Да, но и въ это случается такъ рѣдко“. И прежде это случалось не часто; ударовъ, вродѣ Россбахскаго и Фридрихсбергскаго я и въ ту эпоху знаю только два*).

Вопросъ о значеніи конницы въ современныхъ войнахъ возбуждалъ много споровъ и въ періодъ незадолго до Европейской войны.

Теперь, послѣ войны, мнѣнія по этому вопросу участниковъ войны различны и для правильного разрѣшенія задачи по будущей организационной конницы въ русской арміи надо его внимательно разоборать.

Есть, конечно, и такіе участники войны, которые утверждаютъ, что конница вообще потеряла теперь всякое значеніе, не только на поляхъ сраженій, но и до нихъ. Другіе, признавая, что за конницей все же сохранилось развѣдывательное значеніе; значеніе при охраненіи; значеніе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ завѣсы, и значеніе, какъ рода войскъ, которое можно быстро перебросить на болѣе или менѣе дальнее разстояніе для занятія и обезпеченія важныхъ пунктовъ, переправъ и проч., — совершенно отрицаютъ ея значеніе на поляхъ сраженій.

Изъ лицъ второй категоріи есть много такихъ, которые, признавая за конницей значеніе въ полѣ сраженій, склонны смотреть на нее лишь какъ на ъзданную пѣхоту, которую надо снабжать всѣми современными техническими усовершенствованіями — до танковъ включительно.

Лично считаю, что значеніе конницы въ полѣ сраженій сохранилось въ полной мѣрѣ, лишь бы были у нея соответствующіе начальники. Слишкомъ утяжелять, превращать конницу въ ъзданную пѣхоту не слѣдуетъ.

Я не буду останавливаться болѣе подробно на значеніи конницы въ полѣ сраженій, предоставляя высказаться по этому вопросу болѣе компетентнымъ лицамъ, а остановлюсь лишь на вопросѣ о значеніи конницы на поляхъ сраженій.

Я категорически утверждаю, что мысли, высказанныя М. Драгомировымъ въ 1883 и въ 1891 годахъ, получили блестящее подтвержденіе въ теченіе Европейской войны 1914—1918 годовъ.

Если конницу при позиціонной войнѣ сажали въ окопы на второстепенныхъ участкахъ и превращали въ пѣхоту, если ею не умѣли пользоваться на поляхъ сраженій, то отсюда еще далеко до вывода, что она потеряла свое значеніе и что ей нѣтъ мѣста на поляхъ сраженій*.

* М. Драгомировъ „Холодное оружіе“. „Развѣдчикъ“ 1891 г. № 79.
М. Драгомировъ: „14 лѣтъ“ 1881—1894 г.г. стр. 272 и 273.

Чтобы сдѣлать правильный выводъ, надо только болѣе внимательно и безпристрастно изучить теченіе боевъ въ періодъ Европейской войны и вспомнить тѣ многочисленные случаи, когда можно и должно было примѣнить въ дѣло конницу.

Если бы, въ періодъ нашего отступленія на западномъ фронтѣ въ 1915 году, германская конница имѣла во главѣ талантливаго кавалерійскаго начальника, то она могла бы надѣлать много бѣдъ и наше отступленіе могло бы не закончиться сравнительно благополучно.

Если бы, въ 1917 году, послѣ нашего неудачнаго польскаго наступленія на юго-западномъ фронтѣ и прорыва германцами нашего расположенія, они бросили въ образовавшуюся брешь значительную конную массу, то наши дезорганизованныя*) войска никогда не остановились бы на новой линіи обороны и все дѣло закончилось бы для насъ полной катастрофой.

А сколько было случаевъ, когда мы готовы были кусать себѣ локти, не имѣя на поляхъ сраженій подъ рукой конницы и чувствуя, что, изъ-за ея отсутствія, ускользаетъ случай блестящей побѣды.

Такихъ случаевъ было много и ихъ слѣдуетъ вспомнить, дабы не дѣлать одностороннихъ выводовъ.

Я здѣсь приведу только тѣ случаи, которые происходили на моихъ глазахъ и которые, если такъ можно выразиться, я самъ переживалъ.

Послѣ прорыва австро-венгерской позиціи 22 мая**) 1916 г. намъ пришлось въ теченіе четырехъ дней отбивать контръ-атаки австрийцевъ. 25-го мая, около 6 ч. вечера, со стороны австрийцевъ послѣдовала послѣдняя контръ-атака: противъ частей 126-го пѣх. Рыльскаго полка, занимавшаго участокъ позиціи къ сѣверо-востоку отъ Добронавца (схема № 1), австрийцы бросили въ конномъ строю два или три эскадрона. Замѣченные своевременно, эскадроны были обсыпаны нѣсколькими очередями шрапнелей и разсѣялись. Эта конная атака со стороны австрийцевъ, направленная противъ окопавшейся пѣхоты, прорвавшей передъ тѣмъ нѣсколько рядовъ укрѣпленной позиціи, блестяще отражавшей всѣ контръ-атаки пѣхоты противника и чувствовавшей высокой моральной подъемъ, была просто безуміемъ и примѣромъ, какъ нельзя употреблять конницу.

Къ вечеру 25-го мая не только замерли контръ-атаки со стороны австрийцевъ, но почти прекратился съ ихъ стороны и артиллерійскій огонь.

За ночь съ 25 на 26 мая наши развѣдчики не могли продвинуться впередъ и не удалось выяснить, что дѣлается у австрийцевъ. На ихъ фронтѣ оставались не занятыми нами два сильно укрѣпленныхъ узла сопротивленія: одинъ — высота „270“ передъ фронтомъ 11-й пѣхотной дивизіи, другой — на моемъ лѣвомъ флангѣ (я командо-

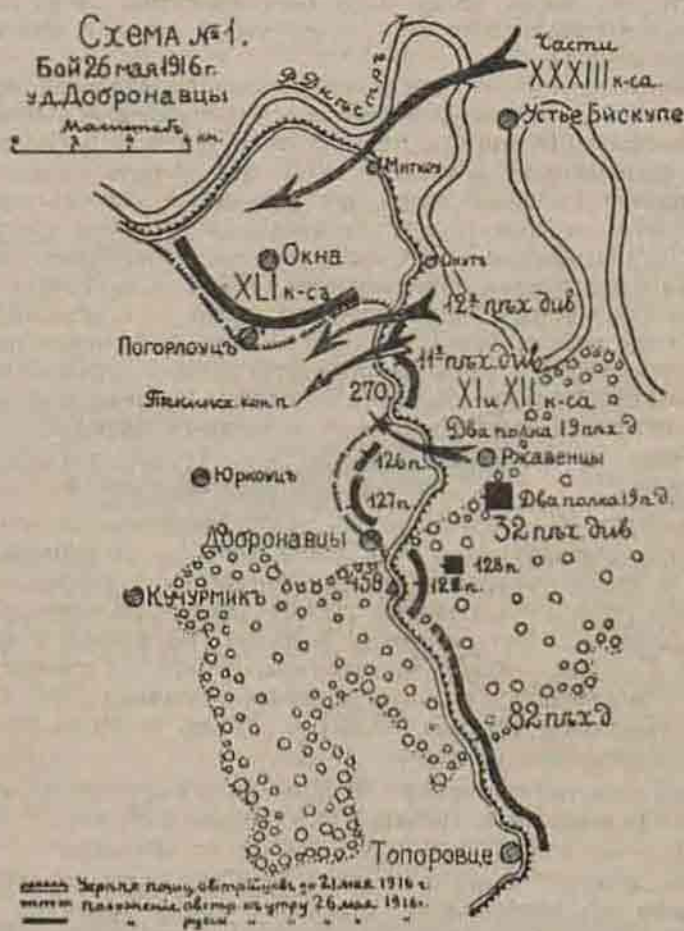
*) и деморализованнымъ.

**) По старому стилю.

довать 32-й пѣх. дивизіей и мѣть на время операціи была подчинена 19-я пѣх. дивизія) высота „458“.

Необходимо было ихъ взять во что-бы то ни стало.

Командиръ XI-го арм. корпуса, которому на время операціи были подчинены XII-й арм. корпусъ и конный Текинскій полкъ, при-

казываетъ начальникамъ 11-й и 32-й пѣх. дивизіи взять 26-го мая высоты „270“ и „458“, а 12-й пѣх. дивизіи, пройдя черезъ расположеніе 11-й пѣх. дивизіи, атаковать австрійцевъ между Окно и высотой „270“ въ юго-западномъ направленіи, вдоль дороги отъ Окно на Юркоуць.

Послѣ артиллерійской подготовкѣ высоты „270“ и „458“ были взяты, 12-я пѣх. дивизія, сломивъ сопротивленіе австрійцевъ, съ

полнымъ успѣхомъ продвигалась впередъ. Донесенія съ фронта и наблюдения съ наблюдательныхъ пунктовъ опредѣленно указывали, что по всему фронту начинается отступление противника. Беспорядочная, мѣстами затихающая артиллерійская стрѣльба австрійцевъ, указывала, что артиллерія нервничаетъ и или мѣняетъ позиціи, или совсѣмъ уходитъ.

Наступило время когда надо было броситься впередъ, когда, какъ казалось, достаточно было еще одного рѣзкаго толчка и все побѣжить назадъ.

Наступилъ моментъ, когда обстановка опредѣленно требовала бросить впередъ конницу. Утомленная и понесшая большія потери за всѣ предыдущіе дни боя пѣхота этого усилія сдѣлать, не могла.

Въ распоряженіи командира XI-й арм. корпуса были только одинъ конный Текинскій полкъ, который онъ и двинулъ впередъ.

Текинскій конный полкъ, четырехъ-эскадроннаго состава, вышелъ съ вершины высоты „270“, наткнулся на беспорядочно отступавшую пѣхоту противника, опрокинулъ ее и взялъ около 1500 плѣнныхъ.

Если бы вмѣсто 4-хъ эскадроннаго полка безъ артиллеріи была хотя-бы одна кавалерійская дивизія съ хорошимъ начальникомъ во главѣ, то результатъ могъ-бы получиться очень серьезный и австрійцы, можетъ быть, не были бы въ силахъ, охорвавшись отъ насъ на 2—3 перехода, прочно закрѣпиться на новой позиціи.

Второй случай былъ въ концѣ Іюня 1916 г. около Делятина (схема №2).

Командиръ XI-го арм. корпуса, графъ Баранцевъ, получилъ приказаніе отъ командующаго IX-й арміей, генерала Лечицкаго, во что-бы то ни стало отбросить австро-венгерскія и германскія части (послѣднія стали появляться на нашемъ фронтѣ съ середины Іюня) на лѣвый берегъ Прута и завять Делятинъ. Въ случаѣ успѣха этой операціи XI-й арм. корпусъ выходилъ во флангъ австро-венгерскимъ частямъ, занимающимъ сильную позицію, прикрывающую Станиславовъ и облегчалъ дѣйствія XXXIII-го, XL-го, и XII-го арм. корпусовъ, направленныхъ на него.

Позиція австро-венгерцевъ на правомъ берегу Прута была очень сильна и неоднократныя попытки ихъ опрокинуть, какъ со стороны II-й пѣх., такъ и 32-й дивизіи, къ успѣху не приводили.

Связь между лѣвыми и правымъ берегами Прута производилась австрійцами по постоянному каменному мосту у южной окраины Делятина (шоссейный мостъ) и по каменному мосту на шоссе, примѣрно, въ 15 верстахъ къ востоку отъ Делятина. Въ промежуткѣ между этими постоянными мостами австрійцами были устроены цѣлый рядъ временныхъ пѣшеходныхъ деревянныхъ мостовъ.

Послѣ одной изъ нашихъ неудачныхъ попытокъ опрокинуть австрійцевъ, къ вечеру разразилась сильная буря съ ливнемъ. За ночь Прутъ вздулся, были снесены всѣ временные деревянные мосты, устроенные австрійцами и переправа черезъ рѣку стала возможной лишь черезъ постоянные мосты.

Создавшейся обстановкой надо было пользоваться.

Утромъ, какъ только выяснилась обстановка, я доложилъ командиру XI-го корпуса о моемъ предположеніи атаковать австрийцевъ на слѣдующій день и просилъ немедленно прислать мнѣ одинъ полкъ 82-й пѣх. дивизіи и два конныхъ полка, имѣвшихся въ распоряженіи штаба корпуса.

Мой планъ заключался въ томъ, чтобы сильной, непосредственной угрозой противъ переправы къ югу отъ Делятина и нажимомъ съ фронта заставить австрийцевъ начать отступленіе и затѣмъ, воспользовавшись естественной суматохой, которая начнется изъ-за опасенія быть отрѣзанными отъ единственнаго черезъ рѣку моста, докончить дѣло конницей.

Получивъ согласіе командира корпуса на присылку просимыхъ частей, я переговорилъ по телефону съ начальникомъ 11-й пѣх. дивизіи относительно совместныхъ дѣйствій и отдалъ нужныя приказанія.

Къ 6 часамъ слѣдующаго дня*) подошелъ полкъ 82-й пѣх. дивизіи.

Этотъ полкъ былъ мною направленъ черезъ высоту „801“ для удара непосредственно въ направленіи на переправу къ югу отъ Делятина.

Съ одной стороны для прикрытія со стороны Ворохты, а съ другой стороны для того, чтобы создать впечатленіе у австрийцевъ, что предпринята операція противъ Ворохты и Яремче, что также угрожало ихъ правому флангу, въ направленіи на Ворохту былъ вы-

*) Къ сожалѣнію, не помню точно какого это было числа ноября мѣсяца.

двинуть небольшой отрядъ, въ составъ 1 батальона, 1 батареи и 1 сотни горцев^{*)}.

Къ 12 часамъ я получилъ донесеніе отъ командира полка 82-й пѣх. дивизіи^{**)}, что онъ, встречая слабое сопротивленіе со стороны небольшихъ частей сторожевой охраны противника, успешно продвигается впередъ и достигъ высоты с. Яремче.

Было приказано начать артиллерійскую подготовку передъ фронтомъ дивизіи.

Въ 14 часовъ началось наступленіе.

Къ 16 часамъ я получилъ донесеніе по телефону отъ командира полка 82-й пѣх. дивизіи, что онъ встрѣчаетъ на каждомъ шагѣ серьезное сопротивленіе со стороны хотя небольшихъ, но очень упорно отстаивающихъ мѣстность группъ противника; что продвиженіе впередъ крайне трудно и что полкъ несетъ большія потери. Затѣмъ, указывая на то, что въ слѣдствіе ночного перехода и очень перестрѣчанной мѣстности, люди крайне утомились, онъ просилъ разрѣшенія отложить наступленіе на переправу до слѣдующаго дня.

Къ этому времени наступленіе замерло и по всему фронту дивизіи. Командиры полковъ доносили, что позиція противника очень сильна, но многихъ мѣстахъ прикрыта проволочными загражденіями, что люди утомлены и высказывали сомнѣніе въ возможности успѣха.

Наступленіе соседней 11-й пѣх. дивизіи также захлебнулось. Ясно было, что на дальнѣйшее успѣшное продвиженіе полка 82-й пѣх. дивизіи рассчитывать было нельзя, но, съ другой стороны, мнѣ представлялось, что это движеніе, по направленію единственной переправы къ югу отъ Делятина, должно было уже оказать впечатлѣніе на австро-венгерскія части, занимавшія позицію на правомъ берегу Прута; вода въ Прутѣ стала спадать и за слѣдующую ночь австрийцы успѣли бы навести цѣлый рядъ мостиковъ черезъ рѣку и откладываніе операциі еще на сутки не давало надежды на крупный успѣхъ, тѣмъ болѣе, что была увѣренность, что австрийцы, учтя трудность своего положенія, переведутъ за слѣдующую ночь свою артиллерию съ праваго на лѣвый берегъ Прута.

Я рѣшилъ попытаться закончить операцию въ тотъ-же день. Вызвавъ къ телефону командира полка 82-й пѣх. дивизіи, я отдалъ категорическое приказаніе продолжать наступленіе, указавъ, что 32-й пѣх. дивизія сейчасъ будетъ атаковать позицію противника и отъ его дѣйствій зависитъ успѣхъ всей операциі.

Артиллеріи приказано было усилить огонь по неприятельской позиціи, развивъ наибольшую его силу передъ фронтомъ 127-го п. Путивльскаго полка.

Командиру 127-го п. Путивльскаго полка было сказано, что полкъ 82-й пѣх. див. успешно продвигается къ переправѣ и что теперь весь успѣхъ операциі зависитъ отъ дѣйствій вѣрнннго ему

^{*)} Эта сотня еще передъ тѣмъ была выслана для освѣщенія мѣстности и развѣдки на моемъ лѣвомъ флангѣ

^{**)} Къ сожалѣнію не помню номера и названія полка.

полка; чтобы онъ, послѣ короткой артиллерійской подготовки, атаковалъ находящийся передъ нимъ участокъ позиціи непріятели.

Командирамъ 126-го п. Рыльского и 128-го п. Старооскольскаго полковъ было приказано подготовиться къ атакѣ позиціи противника и произвести ее вслѣдъ за атакой позиціи 127-мъ пѣх. Путивльскимъ полкомъ, о времени начала которой, приблизительно черезъ часъ, имъ будетъ сказано*).

Начальнику 11-й п. дивизіи было передано, что 32-я п. дивизія черезъ часъ атакуетъ противника.

Такъ какъ обѣщанные мнѣ два конныхъ полка до этихъ поръ не подошли и, по полученнымъ свѣдѣніямъ, ихъ подходъ можно было ожидать лишь къ 7—8 ч. вечера, то я приказалъ единственной бывшей въ моемъ распоряженіи конвойной Кубанской сотнѣ продвинуться впередъ — за правый флангъ 126-го п. Рыльского полка.

Послѣ короткой, но сильной артиллерійской подготовки, въ началѣ 18-го часа, 127-й п. Путивльскій полкъ началъ атаку.

Австрійцы, бывшіе на позиціи передъ фронтомъ этого полка, сначала по одиночкѣ, а затѣмъ небольшими группами стали покидать свои окопы и отходить назадъ. 126-му и 128-му п. полкамъ было приказано начать атаку.

Прошло какихъ нибудь десять минутъ и все поле передъ фронтомъ 32-й п. дивизіи покрылось бѣгунами назадъ австріяками.

Никто изъ насъ не ожидалъ, что передъ нами такія значительныя силы!

Наступилъ моментъ; когда нужно было бросить впередъ конницу; а ее, кромѣ одной конвойной сотни, не было!

Эта сотня выскочила впередъ, но очень неудачно: по шоссе въ колоннѣ по шести.

Австрійцы ее обдали нѣсколькими очередями шрапнели и она повернула назадъ.

Пѣхотѣ приказано было безостановочно продвигаться впередъ; въ частности 126-му п. Рыльскому полку было указано по кратчайшему пути выходить къ мосту къ югу отъ Делятина. Части артиллеріи было приказано продвигаться впередъ вмѣстѣ съ пѣхотой и бить по переправѣ.

Но пѣхота была дѣйствительно крайне утомлена и продвигалась очень медленно.

Австрійцы успѣли убрать почти всю артиллерию.

Въ наши руки попало всего 4 орудія; алѣнныхъ же было взято около 7,000 человекъ.

Въ этомъ бою конница ничего не сдѣлала; но если-бъ къ моменту, когда австрійцы бросили свои позиціи, было подъ рукой 1—2 полка, во главѣ съ хорошимъ начальникомъ, то навѣрно результаты дѣйствія конницы на этомъ полѣ битвы были бы блестящи и австрійцы не убрали бы своей артиллеріи. Паника среди нихъ была полная.

*) Наибольше сильная позиція противника была передъ фронтомъ 126-го и 128-го п. полковъ; поэтому я не рисковалъ начать атаку на ихъ фронтъ.

Приведя эти два примѣра, думаю, что они не были единственными исключеніями и такихъ примѣровъ, за время кампаніи, можно было бы набрать много.

А если это такъ, то утверждение, что „конница нѣтъ мѣста на поляхъ сраженій“ — не вѣрно и для нашей эпохи мсучаго развитія огнестрѣльнаго оружія.

Конница — дорогой родъ оружія, но если ее воспитывать, какъ конницу, а не только какъ ѣздящую пѣхоту, снабженную техникой до танковъ включительно, то при умѣломъ ея употребленіи и при подборѣ хорошихъ кавалерійскихъ начальниковъ, она будетъ всегда „современна“ и сторицей окупить государству свое содержаніе.

А. ЛУКОМСКІЙ.
